A.D.
1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА Г.В.ЮДИНА
U S GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1926

ЖИЗНЬ И ПОХОЖДЕНІЯ

ТРИФОНА АѲАНАСЬЕВА.

ПОВѢСТЬ

С. Т. СЛАВУТИНСКАГО.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ В. И. РЫШКОВА.
1860.

ЖИЗНЬ И ПОХОЖДЕНІЯ

ТРИФОНА АѲАНАСЬЕВА.

ПОВѢСТЬ.

С. Т. СЛАВУТИНСКАГО.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ В. И. РЫШКОВА.
1860.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное количество экземпляровъ. Москва. Марта 20-го дня, 1860 года.

Цензоръ *А. Драшусовъ.*

ЖИЗНЬ И ПОХОЖДЕНІЯ

ТРИФОНА АѲАНАСЬЕВА.

I.

Въ молодости моей знавалъ я крестьянина (звали его Трифономъ Аѳанасьевымъ) изъ сосѣдняго со мною сельца Пересвѣтова. Мрачная доля этого человѣка всегда памятна мнѣ. Я хочу теперь разсказать про его жизнь, замѣчательную въ психологическомъ отношеніи страшнымъ паденіемъ и внезапнымъ, высокимъ возстаніемъ.

Сельцо Пересвѣтово находится въ лѣсномъ уголку одной изъ среднихъ великороссійскихъ губерній, въ мѣстности, гдѣ почва бѣдна и неблагодарна. Въ уголку этомъ, не лишенномъ, впрочемъ, средствъ для мѣстной сельской промышленности, издавна существовалъ обычай отходить на сторону для заработковъ. Пересвѣтовцы любили изстари свободу промысловъ (или по крайней мѣрѣ возможность свободно выбирать любой

изъ нихъ) и не отстали отъ этого обычая даже тогда, какъ въ нѣкоторыхъ окольныхъ селеніяхъ стала успѣшно развиваться фабричная промышленность. Съ раннихъ лѣтъ всякой почти пересвѣтовецъ покидалъ родное селеніе и свою семью, шелъ на далекую сторону, жилъ тамъ по-долгу, обыкновенно до сорока или сорока пяти лѣтъ жизни, а иногда и состарѣвался на сторонѣ. Такъ началъ и Трифонъ Аѳанасьевъ. На четырнадцатомъ году онъ узналъ чужую сторону. Былъ у него въ Питерѣ родной дядя, занимавшійся биржевымъ извозничествомъ, и мать Трифона, тотчасъ послѣ смерти отца его, отправила къ этому дядѣ своего сына. Само-собою разумѣется, дядя пристроилъ племянника по своей же *части*.

Нелегка эта *часть*, какъ и всѣ почти промыслы нашихъ русскихъ людей, добывающихъ себѣ хлѣбъ на сторонѣ. Не по труду не легка, не потому, что съ ранняго утра до глухой полночи, а иногда съ вечера и вплоть и до утра, извощикъ-работникъ, въ стужу и непогодь, все на улицѣ и всегда занятъ, но нелегка она—по разсчету за трудъ, потому, что работникъ этотъ въ безпрерывномъ, тяжкомъ отвѣтѣ передъ хозяиномъ. Хозяину нѣтъ возможности повѣрять его въ выручкѣ, а поэтому онъ самъ учитываетъ его кое какъ, и всегда произвольно. Чаще же всего онъ такъ дѣлаетъ: отпуская съ утра работника, онъ напередъ назначаетъ сумму, которую тотъ непремѣнно долженъ выѣздить, а если не выѣздитъ, — вычитаетъ изъ

его жалованья недостачу. Обращеніе хозяевъ съ работниками—весьма тяжелое, справедливости не ищи; хозяева считая себя постоянно обманутыми со стороны работниковъ, и сами обманываютъ, притѣсняютъ ихъ чуть не на каждомъ шагу; а работники, зная, что хозяева никогда не пощадятъ ихъ, въ свою очередь всячески стараются надувать хозяевъ. Круговая порука эта, допускающая только рѣдкія исключенія, не первый уже день ведется на Руси-святой и отъ многихъ причинъ держится крѣпко-на-крѣпко....

Въ первые годы своей жизни въ Петербургѣ, Трифонъ не очень много нужды вытерпѣлъ. Дядя не выпускалъ его изъ глазъ своихъ, берегъ и всегда отстаивалъ, былъ къ нему добръ и ласковъ, училъ усердно уму-разуму. Правда, не вся его наука могла быть къ стати малому. Дядя,—хоть и отличный извощикъ,—былъ охотникъ большой своровать все, что̀ подойдетъ подъ руку,—отчего нигдѣ не уживался, и племянника, пока тотъ совсѣмъ въ возрастъ не вошелъ, перетаскивалъ за собою съ мѣста на мѣсто. Однако, Трифонъ не пошелъ по его слѣдамъ, дурной и столь близкій примѣръ не испортилъ его,—онъ, напротивъ, спозаранку отличался удивительной честностью. Во все житье свое въ Питерѣ не взялъ онъ на душу грѣха воровства и обмана. Можетъ быть, отъ природы были живучи и сильны въ душѣ его сѣмена правды; можетъ быть, поддерживало его воспоминаніе объ отцѣ, старикѣ добромъ и

честномъ, съ которымъ онъ прожилъ дома всѣ почти годы дѣтства; а можетъ быть, и жалкая доля дяди вселяла въ Трифона отвращенiе къ мошенническимъ продѣлкамъ.

Пантелею, — такъ звали его дядю, — вчастую доставалось за плутни. Не разъ и въ полицiю его забирали, что́ недешево ему стоило; не разъ и у хозяевъ подвергался онъ домашней, тяжкой расправѣ: все это постоянно бывало на глазахъ Трифона. А когда было ему уже лѣтъ за двадцать, онъ увидалъ и бѣдственный конецъ дяди. За какую-то довольно неважную плутню строгiй хозяинъ съ работниками своими такъ избилъ провинившагося, что тотъ недѣль шесть вылежалъ въ больницѣ. И жаловался онъ полицейскимъ властямъ,—только бокамъ его стало не легче оттого, что его обидчику пришлось поплатиться за самосудъ.

Трифонъ сначала во всемъ обвинялъ одного дядю и даже сильно серчалъ на него.

«Вотъ, въ первой, что́ ли, такъ-то? думалъ онъ. —А все неймется!... Раззарился, вишь, на чужое добро,—а можно бы жить и безъ этого. И мнѣ-то съ нимъ какое житье!... Урекаютъ тоже изъ-за него!... Эхъ! кабы воля была!...»

Но Пантелей совсѣмъ зачахъ съ этого разу. Скоро хворость его усилилась до крайней степени, и видно было, что ужь не жилецъ онъ на свѣтѣ. Жалѣючи его, загоревалъ тогда Трифонъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ почувствовалъ сильную

вражду къ тѣмъ людямъ, которые такъ безчеловѣчно поступили съ его дядею.

«Вишь, какъ исколотили, въ гробъ вогнали!— разсуждалъ онъ самъ съ собою. И даромъ имъ пройдетъ,—гдѣ ужь теперича суда искать?.... А онъ-то помретъ безпремѣнно!,..»

И точно: отъ этихъ жестокихъ побоевъ Пантелей душу отдалъ Богу. Передъ самымъ концомъ много каялся онъ во грѣхахъ передъ племянникомъ.

— Помирать, Триша пришлось.... говорилъ онъ. —По грѣхамъ моимъ,—самъ, то-есть причиненъ!... Триша! ты ужь не забудь поминъ сдѣлать по душѣ....

— Знамо , сдѣлаю.... отвѣчалъ печально Трифонъ.

— Охъ, тяжко! продолжалъ Пантелей.—А ты не думай, Триша.... не думай, что все зря только грѣшилъ, ради-для баловства одного.... Вѣдь сначала-то мекалъ, какъ бы по больше деньжонками сбиться.... мало-ль на что надобно было?... а опосля думывалъ семьѣ помочь.... Сколько людей такъ-то нажилися!... Лѣта мои уходили, домой надоть было сбираться,—а съ чѣмъ придти?... Не шло все въ руку-то,—оттого больше....

— Не надоть бы.... тихо замѣтилъ Трифонъ.

— Да, да.... не надоть бы, — самъ вижу!... Триша! вѣдь сыновья махонькіе, подростутъ тоже, —откупиться думалъ на волю.... Давно хотѣлося откупиться, для этого больше и съ братомъ Аѳа-

насьемъ раздѣлился.... Мало ль хлопотъ и грѣха было? Баринъ не позволялъ, ужь на силу-то....

— Господи! продолжалъ умирающій.—Помираю, а дѣти-то!... Обижать, пожалуй, общество станетъ.... кто за нихъ заступится?... Подростутъ, думалъ съ собою пристроить.... а вотъ помираю!.., Триша! ради Христа, не покинь!... пристрой, какъ подростутъ!...

— Не покину, отвѣчалъ Трифонъ.

— А ты меня прости.... въ чемъ согрѣшилъ супротивъ.... Не покинь же, Триша, не покинь ты....

Повторяя безпрестанно эти просьбы не покинуть дѣтей, онъ умеръ. Трифонъ много плакалъ о немъ.

Онъ остался безъ всякой поддержки на чужой сторонѣ. Въ первое время жутко и тяжко ему было, но потомъ онъ поустроилъ дѣлишки. Онъ самъ себѣ помогъ. Ловкой смышленостью и бойкой неутомимостью въ работѣ онъ пріобрѣлъ себѣ хорошую извѣстность, тѣмъ болѣе прочную, что нельзя же было его хозяевамъ не замѣтить его безукоризненной честности. Впрочемъ былъ у него и недостатокъ довольно крупный, а въ его положеніи особенно неудобный: онъ былъ своеобычливъ и упрямъ; ему все хотѣлось быть по свободнѣе, дѣлать посвоему, а иной разъ онъ бывалъ черезъчуръ грубоватъ.

Скоро случилось происшествіе, взволновавшее сильно его впечатлительную, живую душу.

Я сказалъ уже, что Трифонъ отличался особенной смышленостью, — она-то помогла ему сослужить большую службу хозяину. Какъ-то осенью, когда настали темныя ночи, подмѣтилъ Трифонъ, что одинъ изъ жившихъ съ нимъ двоихъ работниковъ все что-то высматриваетъ въ хозяйскихъ горницахъ и какъ будто особенно старается ознакомиться съ той горницей, въ которой спитъ хозяинъ.

Разъ, Трифонъ спросилъ этого работника:

— Ванюха! ты что это все высматриваешь?

— А чего мнѣ высматривать?... Что ты ко мнѣ пристаешь?... отвѣчалъ сердито Ванюха—и заругался.

Дня черезъ два послѣ того, Трифонъ увидалъ нечаянно, что нѣсколько досокъ въ самомъ темномъ углу конюшни приподымаются и что подъ ними вырыта довольно большая яма.

«Хоть что хошь, подумалъ онъ, а работалъ это Ванька. Видно дѣльце какое-ни-на-есть затѣваетъ....»

Вмѣстѣ съ тѣмъ пришло ему на память, что Ванька въ послѣдніе дни все шептался о чемъ-то съ Ефремомъ, другимъ работникомъ. Обо всѣхъ этихъ наблюденіяхъ Трифонъ сбирался уже сообщить хозяину, какъ вдругъ у хозяина случилось большое горе: украли сундукъ, въ которомъ берегъ онъ всю свою казну.

Покража была сдѣлана смѣло да притомъ явно— людьми близкими, хорошо знавшими расположе-

ніе дома и всю домашнюю обстановку. И—странное дѣло—ни хозяинъ, ни жена его (ихъ было только двое) не слыхали, какъ просверлили буравомъ дверь комнаты, гдѣ они спали, какъ отодвинули задвижку, какъ взошли, взяли и вынесли большой сундукъ. Проснувшись на другой день, по обыкновенію, ранёхонько, хозяинъ насилу голову приподнялъ отъ сильной боли, но какъ разъ увидалъ, что драгоцѣнный сундукъ исчезъ. Хоть и больной, онъ, однако, проворно распорядился: задержалъ всѣхъ работниковъ дома и кинулся въ полицію. Тотчасъ началось слѣдствіе, произвели осмотры и обыски, забрали работниковъ и разсадили порознь.

Когда стали допрашивать Трифона, онъ объявилъ, что самъ въ кражѣ не повиненъ, а подозрѣваетъ въ ней Ваньку, съ которымъ, можетъ-статься, участвовалъ и Ефремъ. Это показаніе онъ сдѣлалъ прямо, ясно и твердо. По разсказу его о подмѣченной ямѣ въ углу конюшни, кинулись туда и, точно, нашли пропавшій и еще непочатый, на счастье хозяина, сундукъ. Эта улика была сильна и неотразима, но обвиняемые рѣшительно заперлись во всемъ и въ свою очередь стали путать Трифона.

Слѣдователь, частный приставъ, былъ великій скептикъ, какъ и подобаетъ быть у насъ полицейскому чиновнику. Онъ заподозрилъ тоже и доказщика, если не въ прямомъ преступленіи, то, по крайней мѣрѣ, въ соучастіи съ Ванькой и Ефремомъ.

— Эге, другъ!—говорилъ онъ, понюхивая табачокъ «для освѣженія мыслей». Ты у меня не вертись! ты у меня и не думай вертѣться.... Я вашего брата знаю вдоль и поперегъ! Что ты думаешь—мало перебывало у меня воровъ и мошенниковъ на разную стать? Эге! да еще какіе мошеннички-то бывали! что твои гусли.... Такъ-то любезный! Ты, вотъ, постой, я тебѣ по пальцамъ все разскажу и растолкую.

Тутъ словоохотливый частный приставъ пріостановился, разомъ зарядилъ свой носъ крупной порціей табачку, подошелъ вплоть къ Трифону, дружески потрепалъ его по плечу, приподнялъ голову его вверхъ, стукнувъ, не совсѣмъ-то ужь по дружески, кулакомъ въ подбородокъ—и, безпрестанно подмигивая лѣвымъ глазомъ да улыбаясь слегка и какъ-то особенно лукаво, началъ говорить съ подобающей важностью.

— Ну, братецъ ты мой, напередъ тебѣ объявляю: сердце мое чуетъ — вѣдь оно у меня вѣщунъ—сердце мое чуетъ, что будешь ты моимъ «крестничкомъ.» Такъ ты чѣмъ скорѣе сознаешься, тѣмъ для тебя же будетъ лучше,—что безъ-толку время волочить?... Теперь слушай внимательно да смотри мнѣ прямёхонько въ глаза, — я, братъ, очень люблю, коли мнѣ въ глаза прямо смотрятъ, а стоятъ чинно и смирно. Ты говоришь, что Ванька и Ефремка украли, а самъ ни въ чемъ не виноватъ, а я тебѣ скажу: быть сего не можетъ!... И вотъ почему....

Трифонъ не выдержалъ; его ужь давно подмывало огрызнуться.

— Анъ нѣту!... прервалъ онъ, горячо размахивая руками.—Отродясь воромъ не былъ.... вотъ однова̀ дыхнуть!... Вишь ты: я-жь доказалъ на воровъ, а на меня вину валятъ!... Да я....

Частный проворно подбѣжалъ къ нему.

— Тссъ!... молчать! вскричалъ онъ, зажимая широкой ладонью своей ротъ Трифона.—Что ты это?... Съ ума никакъ сошелъ!... Я лишь на первый разъ рѣшаюсь простить тебѣ такую продерзость. Начальство съ тобой говоритъ, начальство доказываетъ тебѣ, начальство изволитъ тебѣ доказывать,—а ты ротъ свой мерзкій разѣваешь, а ты руками смѣешь размахивать! Ну, смотри у меня!... Въ другой разъ я не осмѣлюсь даже простить, а тутъ же долженъ буду.... да, да!... ни гугу! смотри!...

Вслѣдъ за этимъ, онъ опять приподнялъ голову Трифона, два раза стукнувъ его кулакомъ въ подбородокъ такъ, что у малаго зубы во рту ходенёмъ заходили. Такія убѣдительныя доказательства подѣйствовали на Трифона: съ этого раза онъ уже не прерывалъ слѣдователя.

— Ну, слушай же, малой, началъ опять частный приставъ.—Я буду говорить доказательно, а дѣльце твое разсужу, какъ по писанному. Это страсть моя—объяснять всякому воришкѣ въ чемъ его провинность состоитъ; надо же васъ, мошенниковъ, съ законами знакомить. Вотъ какъ дѣло

было у васъ: всѣ вы трое, — я, братъ, справедливъ и знаю, что не ты одинъ, — всѣ вы трое заблаговременно сговорилися, умыселъ учинили, и яму вмѣстѣ вырыли, и хозяевъ дурманомъ опоили,—вѣдь спали они, какъ сурки, и ничего не слыхали, — а потомъ сундукъ вмѣстѣ украли.... Ну, а наконецъ задѣлили другъ друга, вотъ ты,— въ дѣлёжкѣ, значитъ, обиженный, — и доказываешь теперь. А то съ чего бы тебѣ знать и про яму, и про все тамъ? Невѣроятно! невѣроятно!... Такъ, что ли, малый.... вѣдь задѣлили тебя?...

— Нѣту, помилуйте!...отвѣчалъ Трифонъ. Какъ-такъ задѣлили? Помилуйте!... да сундукъ-отъ цѣлёхонекъ найденъ, не разбитъ и не отпертъ....

Возраженіе это озадачило частнаго. Онъ нѣсколько разъ повторилъ глубокомысленно: гмъ! гмъ!... и нѣсколько разъ освѣжилъ свои соображенія крѣпкими понюшками.

— Ты, однако, не сбивай меня, братецъ!— сердито сказалъ онъ.—Слышишь?не сбивай меня!... Знаю я, что цѣлъ, — ну, такъ чтожь такое! Все же могли вы поссориться и разладить, хоть, напримѣръ, изъ того, что одинъ изъ васъ, за большее участіе въ дѣлѣ, хотѣлъ воспользоваться лучшею долею. Ну, самъ скажи: могли поссориться? могли разладить?...

— А почемъ я знаю, чего не знаю!—возразилъ грубовато Трифонъ.

— Экой ты скотъ, братецъ ты мой! Экой ты скотъ.... все-то запираешься.... промолвилъ какъ-

то задумчиво частный, — сила скептическихъ его соображеній опять замѣтно ослабѣла. Ну, а что ты скажешь, продолжалъ онъ, уже путаясь въ словахъ: что скажешь.... вотъ, напримѣръ, да!... ну, о томъ, что хозяевъ-то дурманомъ за ужиномъ опоили?...

Яркая мысль мгновенно озарила голову Трифона.

— Да и я съ ними ужиналъ! быстро вскричалъ онъ.—Ваше высокоблагородіе! я тоже спалъ, какъ убитый.... Самъ хозяинъ насилу меня добудился, — вотъ извольте спросить.... А Ванька и Ефремъ не ужинали....

Слова эти и подтвердившія ихъ показанія хозяевъ повели къ разслѣдованіямъ. Ванька и Ефремъ чрезвычайно спутались; сначала они заперлись-было въ томъ, что не ужинали, а потомъ разбились въ рѣчахъ; хозяева и Трифонъ во многомъ ихъ уличили. Частный приставъ оказался не только говоруномъ и скептикомъ, но и неумолимымъ преслѣдователемъ преступленія. Онъ загонялъ Ваньку и Ефрема полицейскими силлогизмами, для большей убѣдительности которыхъ не пожалѣлъ и вспомогательныхъ средствъ, то-есть, всякихъ угрозъ, обѣщаній, что ничего не будетъ за признаніе, а особенно лихихъ «зубочистокъ,» и наконецъ Ефремъ сознался, а Трифонъ окончательно былъ оправданъ въ полицейскомъ судилищѣ.

Какъ видите,—порокъ наказанъ, добродѣтель

Трифона восторжествовала. Но восторжествовала добродѣтель эта не въ глазахъ частнаго пристава. Въ какомъ-то раздумьѣ и съ явнымъ неудовольствіемъ, выпустилъ онъ изъ-подъ ареста Трифона.

— Ну, любезный, молвилъ онъ при этомъ,— ловкой ты мошенникъ, изъ молодыхъ да ранній. А помяни мое слово—не сносить тебѣ головы: не мнѣ, такъ другому попадешься и уже не отвертишься....

Но этимъ предсказаніемъ онъ не ограничился. Получивъ отъ хозяина «благодарность» за благополучное окончаніе дѣла, онъ, въ порывѣ своей благосклонности, счелъ долгомъ предупредить его насчетъ Трифона.

— Смотри ты въ оба и, какъ огня, берегись этого малаго, сказалъ онъ хозяину.— Продувная бестія! На рѣчахъ какой бойкій—мало встрѣчалъ я подобныхъ мошенниковъ. Просто, вотъ, глаза отвелъ, изъ воды сухъ вышелъ. А все скажу: не можетъ быть сего! Ужь какъ-нибудь да участвовалъ онъ въ этой кражѣ....

Хозяинъ много кланялся за такое предупрежденіе. И не пропало оно даромъ. Съ этого разу онъ сталъ нападать на Трифона, во всемъ его заподозривая; хозяйка тоже взъѣлась на него; взятые, па мѣсто Ваньки и Ефрема, работники искоса на него глядѣли и часто поговаривали, что, «вотъ доносчику-то надо-бы первый кнутъ.» Не разъ Трифонъ и самъ упрекнулъ себя за то, что показалъ на бывшихъ своихъ товарищей.

— «А пожалуй, лучшебъ не показывать.... думалъ онъ,—и такъ бы дѣло-то сошло.... Сундукъ вотъ.... чтожь!... я-то имъ не покорыстовался бы, а хозяинъ самъ бы, чай, нашелъ его, а то можно-бъ ему было указать опосля.... Вишь ты, за правду-то каково стоять!... поди-ка-сь, напасть вышла какая! И мошенникомъ тоже сочли,—и чѣмъ бы спасибо сказать, а тутъ всѣ, какъ-есть, взъѣлись.... Наустилъ меня лукавый!...»

Скоро опротивѣло ему такое житье; болѣзненно оскорбляли его эти несправедливыя подозрѣнія, эта вражда, эти попрёки. Хозяинъ не сгонялъ его еще отъ себя, но ясно было, что онъ хочетъ отъ него отдѣлаться—Трифонъ самъ рѣшился перейти на другое мѣсто. Онъ потребовалъ разсчета, а хозяинъ и тутъ его притѣснилъ, обсчитавъ на нѣсколько десятковъ рублей; крупно поругался съ нимъ Трифонъ и объявилъ, что «до суда дойдетъ» изъ–за своей обиды.

— Эва! угрозилъ ты намъ! возразилъ хозяинъ. —Насъ, братъ, знаютъ-то получше. Мы начальство–то уважаемъ, неоднова̀ сходимъ съ поклономъ, доступъ, вѣдь, имѣемъ.... Да чѣмъ такимъ ты докажешь-то?...

Хозяинъ былъ правъ. Частный приставъ—старый нашъ знакомый—разсудилъ дѣло, какъ слѣдуетъ.

— Экая ты, бестія, сказалъ онъ Трифону, и бестія-то неугомонная!... Изъ пустяковъ сущихъ къ начальству лѣзешь, безпокоишь!... Ты, мошен-

никъ, вспомнилъ бы старое-то дѣльце. Добрый еще человѣкъ твой хозяинъ, что тогда же не постарался запрятать тебя въ острогъ, да еще сколько времени держалъ тебя послѣ того.... Пошолъ вонъ, и не смѣй лѣзть на глаза изъ-за всякой дряни!...»

Этотъ-то весьма обыкновенный случай имѣлъ большое вліяніе на развитіе характера Трифона. Онъ раздражилъ его и поселилъ въ немъ недовѣріе къ окружающимъ его людямъ и ко всему его положенію. Положеніе это было таково, что часто приходилось ему встрѣчаться съ людской несправедливостью, а онъ не умѣлъ выносить и терпѣть, не умѣлъ прилаживаться къ обстоятельствамъ. Отъ этого и онъ, подобно дядѣ-мошеннику, нигдѣ не уживался. Правда, онъ не лишался чрезъ то работы. Русскій людъ, особенно промысловый, неприверedливъ—и коли одинъ хозяинъ, по какой ни-на-есть причинѣ, разстанется съ работникомъ, вчастую недобромъ разсчетшись съ нимъ, — навѣрное, сыщется другой, который тотчасъ же приметъ къ себѣ прогнаннаго: однако для Трифона мало толку было въ этомъ. Какъ только приходилось ему искать мѣста, новый хозяинъ прижималъ его, бывало, и давалъ плату неподходящую. Но дѣлать было нечего, — Трифонъ нанимался и за такую плату. Такимъ образомъ цѣна съ его работы, труда потоваго, сильно всегда упадала. Трифонъ былъ уменъ, онъ хорошо видѣлъ все это и зналъ досконально,

по какой причинѣ дѣло его «не выгораетъ», а все-таки не въ мочь было ему поправить бѣду: какъ быть, — съ такимъ нравомъ «ничего не подѣлаешь.»

Между тѣмъ онъ женился у себя на родинѣ, въ Пересвѣтовѣ, и сдѣлалъ это больше по требованію своей матери, чѣмъ по собственному желанію: матери его понадобилась помощница въ домѣ, или, просто сказать, работница. Впрочемъ жена ему попалась хорошая и добрая, только черезъ-чуръ уже смирная,—а это послѣднее качество было не подъ-стать характеру ея свекрови Афимьи, бабы малоумной и крайне сварливой. Трифонъ, хоть и обзавелся своей собственной семьею, рѣдко и ненадолго навѣщалъ Пересвѣтово. И тяжело бывало ему проживать дома. Афимья обращалась съ его женою всегда глупо и несправедливо, а иногда даже жестоко. Ужъ какъ хотѣлось ему вырвать изъ-подъ этого гнѣта бѣдную жену, которую онъ очень любилъ! Сначала онъ порывался-было взять ее съ собою въ Питеръ, вопреки обычаю и несмотря на то, что мать и слышать про это нехотѣла: но средства его для жизни съ женою на сторонѣ были недостаточны, да къ тому же пошли у него дѣти— и онъ долженъ былъ отложить свое намѣреніе.

Вспомнилъ онъ тогда, какъ дядя Пантелей все добивался, чтобы откупиться на волю. Мысль о свободѣ стала вдругъ любимою, дорогою, потаенною его мыслью. Онъ положилъ работать безъ

устали для этой цѣли. Онъ разсчитывалъ, что какъ только откупится, то пріютитъ съ собою жену и дѣтей, а дѣти, подростая, помогать будутъ, и легче дѣло его пойдетъ и, смотришь, подъ-конецъ самъ онъ сможетъ сдѣлаться хозяиномъ, хоть и не на большую руку.

«Лишь бы выбиться на «стремя»-то, думывалъ онъ: а тамъ по водѣ ужъ легко будетъ плыть!...»

II.

И сталъ Трифонъ Аѳонасьевъ жить да поживать все въ Питерѣ. Вообще не очень удачилось ему здѣсь, но онъ никакъ не хотѣлъ разстаться съ привольнымъ, бойкимъ городомъ;—«благо обжился, къ мѣсту пришелся», какъ онъ говаривалъ,—тутъ и свѣковать ему желалось. Да и во всякомъ случаѣ, онъ хоть и немного добывалъ въ Питерѣ, однако доставало ему изъ заработковъ своихъ уплачивать оброкъ исправно и въ домъ подавать ежегодно рублей сотню ассигнаціями; а сверхъ того, во многіе годы работы, сколотилъ онъ и запасецъ порядочный.

Такъ прошло слишкомъ двадцать годовъ; Трифонъ же доживалъ свой четвертый десятокъ. Къ этому времени накопилось у него въ запасцѣ тысячи полторы рублей. Онъ не выпускалъ ихъ изъ рукъ, хранилъ, какъ зѣницу ока, и носилъ всегда на крестѣ.

«Вотъ, думалъ онъ теперь частенько: еще годика три-четыре поработаю, авось и еще рубликовъ пятьсотъ сколочу... А семья у меня не большая,— можетъ, баринъ и возьметъ тысячки полторы.... Приписаться будетъ стоить дорогонько: вѣдь нашего брата тоже не помилуютъ.... Больно мало останется у меня деньжонокъ, и обзавестись, почитай, будетъ не на что.... да ничего!... Юшка вѣдь на возрастѣ, и Мишутка, авось, съ помощью Господней, поправится.... А право-слово, баринъ возьметъ полторы тысячи; онъ вѣдь добрый, хоша и безтолковъ маненько....»

Но во всю жизнь не добрая доля преслѣдовала Трифона.

Въ послѣдній годъ пребыванія его въ Питерѣ получилъ онъ, въ началѣ лѣта, извѣстіе изъ дому, что жена его умерла. Онъ тотчасъ же отправился въ Пересвѣтово и нашелъ осиротѣвшую семью свою въ чрезвычайно плохомъ положеніи: старшій сынъ его Ефимъ, малый лѣтъ уже пятнадцати, оказывался хворымъ и поэтому не надежнымъ къ постоянной, усильной работѣ; дочь Аграфена въ прошлую зиму потеряла ноги отъ сильной простуды и сидѣла калѣкой; младшій его сынъ Михайло, семилѣтній мальчикъ, испуганный въ дѣтствѣ бабкою Афимьей, имѣлъ падучую болѣзнь, и уже теперь было замѣтно, что онъ на всю жизнь останется дурачкомъ. Бѣдный Трифонъ былъ пораженъ такимъ положеніемъ семьи. Много тужилъ онъ о женѣ, еще больше горевалъ о дѣтяхъ и,

ко всему этому, сильно не ладилъ съ матерью, которую онъ не могъ не попрекнуть за несчастье младшаго сына своего и за дурное обращеніе съ женою, захирѣвшей, можетъ-быть, черезъ нее. Недѣли четыре только пробылъ онъ дома и подъконецъ этого времени усильно спѣшилъ отправиться въ Петербургъ, — такъ тяжко и горько было ему дома глядѣть на семью свою.

Онъ пришелъ въ Петербургъ въ праздничный день, къ вечеру, и, при самомъ входѣ въ городъ, встрѣтился съ двумя знакомыми извощиками, земляками ему изъ сосѣдней съ Пересвѣтовымъ деревни Загорья.

— Трифонъ, братъ, здорово, весело сказали они оба.—Изъ дому, что-ли?

— Изъ дому, отвѣчалъ Трифонъ.

— По-добру-ль, по-здорову побывалъ?

— Нѣту, братцы!....

И онъ разсказалъ имъ про свое домашнее горе. Земляки потужили, поохали, стали утѣшать его, какъ умѣли, а покончили утѣшенія такими словами:

— Чтожь, братъ, дѣлать-то? Воли Божьей не минуешь, а ужь оно, знать, такъ на роду тебѣ написано.... А чѣмъ горевать-то, братъ, пойдемъко да выпьемъ маненько. Ты хоша и не больно охочь до вина, да все жь иногда пропускалъ,— мы вѣдь знаемъ.... Такъ теперича-то и самъ Богъ велѣлъ—съ горя.... А намъ тебя, братъ Трифонъ, вотъ же ей-ей, до-смерти жалко!...

— Спасибо, братцы, на добромъ словѣ, отвѣчалъ Трифонъ:—а вина не надо.... чай, и въ душу не пойдетъ....

— Экой ты!... говоримъ—надоть тебѣ безпремѣнно теперича.... Легче невпримѣръ будетъ!... Мы вотъ и сами, братъ, съ горя тоже,—съ мѣстовъ слетѣли, хозяинъ обидѣлъ, такъ оттого больше....

— Да какъ же, возразилъ уже въ какомъ-то раздумьи Трифонъ, которому въ ту минуту такъ вдругъ захотѣлось испить винца, какъ никогда прежде не хотѣлось:—да какъ же, братцы.... а я было думалъ прямо на фатеру къ хозяину ночевать, да завтра съ утра ужь и за дѣло приниматься....

— Эва! сказали, смѣясь, оба пріятеля: — успѣешь еще наработаться, — дѣло-то не медвѣдь, въ лѣсъ не уйдетъ, а нашему брату, ей-же-Богу право, можно иной разъ и отвернуться отъ дѣла хоть на часокъ.... Вишь ты, ретивый какой!... Ты пойдемъ-ко съ нами, да выпьемъ, братъ,—а вотъ ночевать-то, ну, коли поздненько тамъ будетъ, али захмѣлѣешь больно, такъ хоша съ нами ночуешь....

Трифонъ не сталъ уже болѣе возражать; онъ тѣмъ легче согласился на предложеніе земляковъ, что его самого такъ и подмывало пойдти размыкать грусть-тоску; да къ тому же земляки эти были люди хорошіе и по душѣ ему.

Обыкновенно скупой на всякія напрасныя траты, Трифонъ въ харчевнѣ раскутился не на шутку.

Голова его затуманилась, онъ вдругъ позабылъ про свое горе, и легко стало у него насердцѣ; пріятели его тоже весело кутили. Скоро присталъ къ нимъ еще товарищъ на выпивку, тоже извощикъ, знакомый нѣсколько пріятелямъ Трифона, парень молодой, разгульный и весельчакъ затѣйливый. Онъ подсѣлъ къ Трифону и такъ подладилъ ему веселою рѣчью, что подъ-конецъ сталъ брататься съ нимъ. Всѣ наши гуляки выпили тутъ немало и еще хотѣли бы выпить, но было уже поздно, и харчевникъ выпроводилъ ихъ вонъ почти насильно.

На свѣжемъ воздухѣ голова хмѣльнаго Трифона еще больше затуманилась, а ноги у него такъ и подкашивались. Онъ смутно понималъ, что въ такомъ положеніи не слѣдуетъ ему идти къ себѣ на квартиру, до которой было не близко.

— Кузьма, а Кузьма!... сказалъ онъ одному изъ двухъ пріятелей-земляковъ:—я, братъ, тово.... ужь и больно-то я захмѣлѣлъ теперича.... Идти на фатеру,—а нѣту, братъ, никакъ вотъ не могу!... и неблизкое мѣсто, право-слово!... Да вотъ что, братъ, прибавилъ онъ, понижая голосъ, но говоря, однако, такъ, что всѣ слова можно было слышать: — боюся тово.... какъ бы деньжонки, братъ, кровныя денежки,—на крестѣ вотъ ношу, откупиться приготовилъ, — какъ бы, то-есть, не отняли....

— А хошь?... я тебя провожу!... проворно вмѣшался разгульный парень.

— Ну, братъ.... началъ-было Трифонъ.

— Нѣту!... возразилъ Кузьма. — Пошолъ ты прочь, Андрюшка!... Знаемъ мы тебя,—заведешь ты его, пожалуй.... Пойдемъ-ко, братъ Трифонъ, съ нами ночевать....

— Такъ и я съ вами!... вызвался опять Андрюшка.

— Ну, куда еще!... проваливай-ко!... Тамъ и такъ тѣсно будетъ.... отвѣчалъ товарищъ Кузьмы, Петруха.

— Ужь пожалуйста, братцы, не прогоняйте меня! сдѣлайте такую милость!... больно далече идти....

— А чортъ съ тобой!.... иди, пожалуй.... вымолвилъ съ неудовольствіемъ Кузьма.

Въ большомъ, душномъ и темномъ подвалѣ, куда вошелъ теперь Трифонъ съ своими товарищами, уже спало, вповалку на полу, довольно много всякаго народу, и не безъ труда отыскали наши гуляки мѣстечко себѣ посреди подвала. Трифонъ, Кузьма и Петруха скорёхонько и крѣпко заснули, но Андрюшка не спалъ: онъ задумалъ раздобыться въ эту ночь чужимъ добромъ. Увѣрившись, что товарищи его крѣпко разоспались, онъ ползкомъ и потихоньку подкрался къ Трифону, смѣло разстегнулъ ему воротъ рубахи, вытащилъ изъ-за пазухи шнурокъ съ крестомъ и кошелькомъ, и складнымъ ножикомъ ловко перерѣзалъ шнурокъ. Затѣмъ онъ хотѣлъ-было убираться вонъ изъ подвала, но вдругъ пришла ему

въ голову затѣйливая мысль.... онъ усмѣхнулся про себя, опять смѣло подобрался къ Трифону и осторожно надѣлъ ему на шею свой крестъ съ грязной ладонкою. Окончивъ счастливо эту опасную затѣю, онъ поспѣшилъ уйдти, и тутъ нечаянно спотыкнулся объ ноги Кузьмы. Кузьма приподнялся на локоть и спросилъ съ-просонья:

— Кто это?

Андрюшка не отвѣчалъ, но невольно остановился.

— А, чортъ!... ноги отдавилъ.... сказалъ сердито Кузьма.—Да кто такой?...

— Я.... отвѣчалъ шопотомъ Андрюшка.

— Вишь ты, воръ-Андрюшка!... пробормоталъ уже почти безсознательно Кузьма и повалился опять спать, а воръ проворно выбрался изъ подвала.

На другой день Трифонъ только-что глаза открылъ, какъ по болѣзненному какому-то предчувствію, прежде всего хватился за свои денежки—и не нашелъ ихъ....

— Братцы!... родимые!... сталъ онъ кричать, кидаясь между просыпавшимися рабочими: — помогите!... отдайте, братцы!... Господи! за что погубить хотите?... Двадцать лѣтъ работалъ!... Братцы!... отдайте!...

Нѣкоторые изъ рабочихъ начали разспрашивать, въ чемъ дѣло, другіе же, изъ разныхъ опасеній, стали уходить потихоньку,—можетъ быть, и всѣ скоро разошлись бы, еслибъ Кузьма и Пет-

руха, особенно испуганные этимъ происшествіемъ, не закричали наконецъ:

— Стой, ребята!... не расходись!... никого не выпускай!... человѣка обокрали.... Начинай вотъ съ насъ обыскивать!...

— Нѣту, не надо!... братцы! что обыскивать? говорилъ Трифонъ.—Ради Христа, такъ ужь отдайте!... не пойду до суда.... Богъ съ вами!... Хоть долю какую возьмите, только отдайте,— не губите души!... Безъ ножа вѣдь зарѣзали....

Между тѣмъ обыскъ состоялся. Послѣ Кузьмы и Петрухи, и всѣ прочіе, кто тутъ еще былъ, дали себя обыскать. Само собою разумѣется, денегъ Трифоновыхъ ни у кого не нашли. Тогда рабочіе стали всѣ расходиться, и только двое изъ нихъ, видно, особенно любопытные, оставались еще тутъ. Съ уходомъ рабочихъ, послѣдняя надежда Трифона исчезла и отчаяніе его возрасло до высшей степени. Онъ заплакалъ такими горькими слезами, что разжалобилъ не только земляковъ своихъ, но и постороннихъ любопытныхъ.

— Экой грѣхъ приключился! — толковали эти любопытные. Вотъ какъ человѣка обездолили.... И кто это злодѣй такой?...

— Знаешь: на кого я мекаю?—вдругъ сказалъ Кузьма Петрухѣ.

— А на кого?

— Да Андрюшку!... Коли ты его не знаешь? Воръ настоящій!... И зачѣмъ это вчера увязался

за нами?... Да вотъ еще—изъ ума было вонъ—ночью-то онъ ноги мнѣ отдавилъ....

Дрожа всѣми членами отъ волненія, Трифонъ прислушивался къ этимъ словамъ.

— А что жь, малый, — сталъ совѣтывать ему одинъ изъ рабочихъ,—ступай-ко ты теперь же въ часть да объяви.... авось и разыщутъ....

— Какъ же! дожидайся!... замѣтилъ другой рабочій, покачавъ головою. — Гдѣ ужь тутъ разыскать?... Для кого другаго, а для нашего брата....

Но Трифонъ тотчасъ же ухватился за этотъ совѣтъ и настойчиво сталъ просить Кузьму и Петруху, чтобы они сопровождали его въ часть;— а они и слышать объ этомъ не хотѣли.

— Зачѣмъ намъ идти?—говорили они.

— Да какъ же, братцы! умолялъ Трифонъ:— вотъ на счетъ Андрюшки-то....

— Эка, братъ! мало-ль что на человѣка думается, а на суду какъ доказывать?... Нѣту, мы въ свидѣтели супротивъ него не пойдемъ... Вѣдь, пожалуй, такъ-то и насъ свяжутъ, и тебѣ не уйдти!... Что ужь тутъ! Вишь, въ свидѣтели зоветъ!... Нѣтъ, ты ужь самъ—какъ знаешь....

Долго спорилъ съ ними Трифонъ, но они никакими доводами не убѣдились; слезно просилъ онъ ихъ поддержать его въ такой бѣдѣ, но они все остались при своемъ. Двое рабочихъ были тутъ же и съ видимымъ участіемъ слушали эти

переговоры; жаль имъ стало Трифона, и они не утерпѣли, чтобы не замолвить за него словечка.

— Чтожь, братцы! — сказали они Кузьмѣ и Петрухѣ,—вѣдь вамъ и то можно бы.... Вишь, и впрямь человѣкъ пропадаетъ.... Оно, хоша и того.... да всежь никакъ вамъ можно бы.... Ужъ и больно-то жалко....

— Вамъ, въ чужѣ-то легко говорить! возразили съ сердцемъ земляки Трифона.—А развѣ мы его не жалѣемъ? Да вѣдь ничего не подѣлаешь!... Какъ насъ-то къ дѣлу притянутъ,—легче, что-ль, ему будетъ?... Нѣту! мы вѣдь тоже виды видали.... скажешь, анъ и пропадешь!...

— Коли такъ, братцы, — обратился Трифонъ къ рабочимъ, — такъ я на васъ пошлюся, — вы слышали, какъ они вотъ говорили объ Андрюшкѣ....

— Ну, васъ — къ Богу! возразили рабочіе.— Уходить надоть поскорѣй отъ васъ.... Вишь, какъ лѣсной звѣрь на всѣхъ кидается!... Разбирайтеся, какъ хотите,—а чужимъ-то что?...

И они тотчасъ же ушли.

Трифонъ, конечно, пожаловался о своемъ дѣлѣ. Ему ничего другаго не оставалось, какъ прибѣгнуть къ полицейскому правосудію,—утопающій и за соломенку хватается. Впрочемъ, на первыхъ порахъ, дѣло его пошло, если не успѣшно, то скоро. Андрюшку тотчасъ же отыскали и обыскъ у него произвели, «по которому ничего подозри-

тельнаго не оказалось». За тѣмъ начались допросы и очныя ставки.

Съ дерзкою самонадѣянностью и съ невозмутимымъ спокойствіемъ отвѣчалъ при допросахъ Андрюшка: онъ отвергалъ не только обвиненіе Трифона въ покражѣ у него денегъ, но не сознавался даже и въ томъ, что онъ ночевалъ вмѣстѣ съ нимъ, съ Кузьмою и Петрухою. У него нашлись трое свидѣтелей, утверждавшихъ, что онъ ночевалъ съ ними. Кузьма и Петруха, уличавшіе его сначала, что онъ изъ кабака отправился ночевать съ ними,—увидавъ свидѣтелей съ его стороны, сильно струсили, сбились въ показаніяхъ и стали уже перевирать всѣ обстоятельства,—что обратило на нихъ особенное подозрѣніе слѣдователя. Само собою разумѣется, подозрѣній своихъ насчетъ Андрюшки, высказанныхъ Трифону, они не подтвердили теперь при слѣдствіи; изъ этого родилось новое противорѣчіе—и дѣло еще больше запуталось. Наконецъ, на послѣдней очной ставкѣ Трифона съ Андрюшкой, невинность Андрюшки окончательно восторжествовала въ глазахъ слѣдователя.

— Вотъ ты,—Богъ тебѣ судья,—началъ говорить Андрюшка противъ уликъ Трифона: — вотъ ты все лаешь, что у тебя деньги укралъ.... Да ты скажи по-крайности: какъ такъ могъ я, то-есть, украсть деньги твои: изъ кармана, что-ль, вынулъ, аль онѣ въ шапкѣ у тебя зашиты были, аль тамъ въ сапогѣ?...

— На крестѣ были.... отвѣчалъ Трифонъ, въ какомъ-то недоумѣніи.

— На крестѣ! — возразилъ Андрюшка. — Ну, хорошо, на крестѣ, такъ тому дѣлу и быть.... значитъ, срѣзалъ я у тебя крестъ-то твой?...

Трифонъ замялся. Слѣдователь, которому уже сильно надоѣли эти очныя ставки, сталъ теперь внимательно слушать.

— Ну, чтожь ты? отвѣчай, братецъ! — прикрикнулъ онъ на Трифона.

— Да что отвѣчать-то?—молвилъ угрюмо Трифонъ.—Теперича вижу, что онъ изъ всѣхъ, чай, мошенниковъ самый, то-есть, первый мошенникъ... Точно, вотъ какъ передъ Богомъ, деньги на крестѣ у меня были, только моего-то креста нѣту, а что теперича на мнѣ крестъ (онъ показалъ его при этомъ), какъ есть—не мой.... должно-быть, —его, разбойника!....

— А ты, малой, не бранися, — возразилъ съ торжествующимъ видомъ Андрюшка: — что браниться-то? ты толкомъ говори. — чай, вѣдь начальство разсудитъ насъ.... Такъ значитъ, по твоему, я жь и твой крестъ срѣзалъ, да я жь на тебя и свой-то надѣлъ опосля?... Ваше высокоблагородіе! статочное ли оно, это дѣло?... Я все это сдѣлалъ, а онъ ничего-таки не слыхалъ?... Да и зачѣмъ бы крестъ-то надѣвать на него понадобилось?... Вѣдь, чай, ужь если укралъ деньги, такъ и бѣжать бы поскорѣе, — а то нѣтъ! для потѣхи, что-ль, какой, — такъ вотъ я и ос-

тался тутъ да и сталъ надѣвать свой крестъ на него!... должно-быть, боялся я тогда, какъ бы чортъ душу его не унесъ безъ креста-то!...

Всѣ присутствующіе засмѣялись. Слѣдователь не вытерпѣлъ, подошелъ къ Андрюшкѣ, потрепалъ его по плечу и сказалъ: «ну, братъ,—молодецъ!»

А между тѣмъ сердце сильно заныло у Трифона. Мрачная злоба противъ лиходѣя Андрюшки одолѣвала его: — такъ бы вотъ кинулся онъ на него, такъ бы и растерзалъ его тутъ же на мѣстѣ! Но онъ удержался и молчалъ, опустивъ голову.

— Запишите всѣ эти возраженія Андрея Парамонова,—сказалъ слѣдователь своему письмоводителю: — да пожалуйста повѣрнѣе, именно такъ, какъ онъ говорилъ теперь,—это даже любопытно вышло!... Ну, братецъ, продолжалъ онъ, весьма сурово обращаясь къ Трифону:—ты чтожь молчишь?... Видно, всѣ пѣсни пропѣлъ?... То-то, дрянь ты эдакая.... Если и были у тебя деньги, смотришь—пропилъ, прогулялъ, или обронилъ, а по какой ни-на-есть злобѣ—сталъ сваливать вотъ на него.... Ну, какъ-таки не слыхать, какъ и шнурокъ съ крестомъ обрѣзали, а потомъ чужой крестъ на тебя надѣвали?... Да и въ самомъ дѣлѣ, на что было нужно вору надѣвать на тебя крестъ, терять время и даромъ подвергаться опасности быть пойманнымъ на мѣстѣ преступленія?...

— Онъ, разбойникъ, сдѣлалъ это, онъ!... возразилъ съ ожесточеніемъ Трифонъ: — а не слыхалъ-то я оттого, что больно пьянъ былъ....Что жь это ему, вору, во всемъ вѣрятъ!...

— Ну, ну!—закричалъ слѣдователь, — у меня много не разговаривай!... а на грубости и рта не смѣй разѣвать!... А то смотри!...

— Власть ваша.... я не грублю.... отвѣчалъ Трифонъ, пересиливая гнѣвъ свой:—Ваше высокоблагородіе! вы вотъ извольте Кузьму-то спросить подъ присягою.... авось тогда души не убьетъ. Сейчасъ умереть — а онъ говорилъ, что укралъ деньги Андрюшка!...

— Учи ты меня!—сказалъ слѣдователь.—Подъ присягой Кузьму нельзя спрашивать: — онъ прикосновенный къ дѣлу. Да и что тутъ еще толковать? Исторія совершенно ясна.... Убирайся-ко ты вонъ, пока цѣлъ!

Тѣмъ и покончилось это разбирательство; Андрюшку выпустили, а Трифона чуть не засадили за продерзостныя рѣчи. Однако, не имѣя уже почти никакихъ надеждъ, онъ все-таки долго не кидалъ своего дѣла: страшный задоръ разбиралъ его при мысли, что такъ и канули, какъ ключь ко дну, его кровныя денежки, что воръ-лиходѣй правъ совсѣмъ остался, что Кузьма и Петруха, земляки его, и люди, казалось, хорошіе, такъ безсовѣстно выдали его въ самой сущей правдѣ. Съ крайнимъ упорствомъ хлопоталъ Трифонъ по по своему несчастному дѣлу—и всѣ хлопоты его,

конечно, были напрасны. Истерялъ онъ только послѣдніе деньжонки, бывшія за хозяиномъ, надоѣлъ смертельно полицейскимъ, надоѣлъ и хозяину, какъ просьбами о выдачѣ жалованья впередъ, такъ и плохой работою. Наконецъ, изъ-за своего хлопотанья по дѣлу этому, потерялъ онъ и мѣсто. Въ прежнее время такое знакомое ему обстоятельство нисколько не встревожило бы его, но теперь затронуло и оно его заживое: онъ крѣпко закручинился, разхворался ненашутку и, можетъ, умеръ бы, еслибъ не помогъ ему землякъ-рабочій, въ самую пору доставившій ему помѣщеніе въ одной изъ больницъ. Но только-что оправился онъ отъ болѣзни,—вдругъ овладѣло имъ величайшее, непреодолимое отвращеніе къ жизни въ Петербургѣ, и онъ тотчасъ отправился домой.

Онъ ушелъ изъ Питера безъ всякой мысли о томъ, что будетъ дѣлать дома, ушелъ оттого, что не выносимо стало ему жить тамъ, гдѣ такъ много, тяжело и напрасно трудился онъ, гдѣ въ одну несчастную минуту потерялъ все, что было накоплено долговременнымъ трудомъ, гдѣ живутъ его злые недруги: воръ, похитившій его кровное добро, и тѣ люди, которые потакнули вору и правды не нашли при разборѣ дѣла.

III.

Онъ пришелъ въ Пересвѣтово, угрюмый, печальный, даже больной отъ печали, но живая, дѣятельная натура его пе поддалась безсильному унынію; онъ скоро совсѣмъ оправился тѣломъ и духомъ; воздухъ родины подѣйствовалъ на него животворно. Умно всмотрѣлся онъ въ положеніе семьи своей, безъ него безпомощной, въ свое собстгенное положеніе на родинѣ, и ни на минуту не захотѣлъ сложить руки для лѣниваго отдыха, подъ предлогомъ бѣды или немощи, но тотчасъ же сталъ искать вокругъ себя занятій, скоро нашелъ ихъ и началъ работать усердно.

Одно только тревожило его, и иногда сильно тревожило: это—неладица въ домѣ отъ глупыхъ распоряженій матери его, Афимьи, которая тоже нападала на него частёхонько и бранила за то, что онъ пришелъ изъ Питера, гроша не имѣя въ карманѣ, да пришелъ-то не на побывку, а затѣмъ,

чтобы навсегда остаться дома. Старуха Афимья была горластая баба, привыкшая, еще при жизни смирнаго своего мужа, своевольничать въ дому; не таковская была она, чтобы не высказать сыну всего, что ей на умъ не взбредетъ.

— Вишь ты, лѣшій, говорила она, обращаясь постоянно къ Трифону съ такимъ привѣтствіемъ: —право-слово, лѣшій!... жилъ-жилъ на сторонѣ, а чего нажилъ?... Въ домъ-отъ подавалъ бездѣлицу,—не могли мы, горькіе, коровёнки лишней завести, по всякъ-день хлѣбъ одинъ ѣдали, а мясца, почитай, и не видывали.... А ты-то, песъ эдакой, чай, на сторонѣ прохлаждался!... Куда всѣ деньги-то дѣвалъ?... а? куда дѣвалъ-то?... пропилъ—прогулялъ!... Вотъ такъ я тебѣ и повѣрила, что, молъ, отрѣзали денежки!... Знаемъ-ста и мы, бабы, какъ вы, черти, на чужой сторонѣ балуетесь!... Ну, зачѣмъ теперя дома живешь?... у чего тутъ жить?... Вишь ты: мочи, чтоль, не хватаетъ?... Дай вотъ срокъ: баринъ пріѣдетъ, просить на тебя буду, бездѣлушникъ эдакой!... Вона Юшка, малый хворой, изъ селенки выбивается, рукъ не покладаетъ: ужь какъ все работаетъ! А Мишутку-то всего родимецъ изломалъ, — а Грушка-то обезножила, пластомъ лежитъ!... Ты, лѣшій, сосчиталъ бы сколько у насъ ртовъ-то надоть кормить....

Но Трифонъ терпѣливо сносилъ эту несправедливую брань, изрѣдка только перекидываясь съ матерью взаимнымъ попрёкомъ—и то лишь тог-

да, какъ она начинала бранить и клясть жену его, покойницу. Не смотря на эту неладицу дома и на тяжкіе труды для поддержанія своей несчастной семьи, онъ полюбилъ жизнь домашнюю особенно потому, что часто сравнивалъ эту простую жизнь съ мудренымъ, шумнымъ житьемъ въ Питерѣ, гдѣ онъ встрѣтилъ такъ много нужды, горя и не правды. Глубокая ненависть къ тому житью навсегда въ немъ осталась.

Въ деревенскомъ же быту характеръ его былъ вообще ровенъ. Спокойно занимался онъ сельскими работами, а въ свободное отъ нихъ время или извозничалъ, или приторговывалъ на мѣстѣ по мелочи; довольно спокойно встрѣчалъ и неудачи, по крайней мѣрѣ никогда не говаривалъ сосѣдямъ про худой конецъ дѣлишекъ, никому и ни на что не жаловался. При всемъ этомъ онъ былъ очень уживчивъ и сообщителенъ съ своими односельцами: охотно совѣтъ подавалъ сосѣду и разсуждалъ о всякомъ дѣлѣ, не отказывалъ и въ посильной помощи; ни одной мірской сходки, бывало, не пропускалъ; любилъ тоже не-на-дѣлѣ зайдти къ сосѣдямъ и покалякать кой о чемъ; любилъ, между дѣломъ, побывать на базарѣ; о праздникахъ хромовыхъ любилъ погулять въ сосѣднихъ деревняхъ, и у себя, въ такіе праздники, вдоволь угостить хорошаго человѣка чѣмъ Богъ послалъ.

Такъ прошло года три — и обжился совсѣмъ Трифонъ на родинѣ. А тутъ произошла значи-

тельная перемѣна въ отношеніяхъ его къ односельцамъ.

Какъ-то, лѣтомъ, владѣлецъ сельца Пересвѣтова, Иванъ Данилычъ Одоньевъ жилъ-гостилъ въ этомъ имѣніи. Я сказалъ: «гостилъ» — недаромъ. У барина нашего «губа была не дура»: онъ былъ очень не богатъ, а все-таки, не хуже большихъ баръ, любилъ понѣжиться и ничего не дѣлать. Ужь Богъ его знаетъ, зачѣмъ онъ ѣзжалъ иногда на житье въ Пересвѣтово: тутъ не было никакого господскаго хозяйства, да и въ околоткѣ жили такіе сосѣди-помѣщики, хлѣбосольство и знакомство съ которыми не представляло въ себѣ ничего заманчиваго. Пересвѣтовцы совершенно понимали ненадобность и безполезность деревенскаго житья своего барина.—«Вотъ, зачѣмъ опять, припожаловалъ? — говаривали они при его пріѣздахъ. — Въ степную вотчину бы ѣхалъ,—а тутъ чего дѣлать?... Усядется теперь!—безъ него-то все ка-быть поваднѣе!...» Впрочемъ Иванъ Данилычъ ни въ чемъ не былъ помѣхою для крестьянъ своихъ: жилъ онъ себѣ преспокойно, ни до чего не доходя; весьма въ рѣдкихъ случаяхъ даже разбиралъ онъ жалобы пересвѣтовцевъ другъ на друга; обыкновенно же отсылалъ ихъ на судъ старосты и міра. Вообще на жизнь, окружавшую его въ деревнѣ, жизнь тяжко-трудовую, темную и тѣсную, онъ обращалъ мало серьёзнаго вниманія, а если и взглядывалъ на нее, то мелькомъ, случайно; ему казалось и

того довольно, что крестьяне его въ Пересвѣтовѣ были зажиточны. Вотъ и узналъ онъ, по случаю, что Трифонъ Аѳанасьевъ—мужикъ умный, бывалый и расторопный, по случаю тоже, нуждался онъ тогда въ старостѣ, и случайно пришло ему въ голову поставить старостою Трифона. Распоряженіе это, хоть и случайное, казалось барину нашему какъ нельзя больше удачнымъ,—но вышло не совсѣмъ такъ.

На первыхъ порахъ родные Трифона, да и всѣ почти крестьяне въ Пересвѣтовѣ, очень обрадовались новому старостѣ. Всѣ были увѣрены, что онъ всегда и во всемъ будетъ имъ мирволить— и, какъ ловкій человѣкъ, барина тоже на гнѣвъ не наведетъ. Болѣе же всѣхъ надѣялись на Трифона сыновья его дяди Пантелея, — Максимъ и Никифоръ; они считали какъ бы правомъ своимъ ожидать отъ него всякаго послабленія. Однако, какъ Максимъ и Никифоръ, такъ и прочіе пересвѣтовцы, жестоко ошиблись въ новомъ старостѣ.

Съ назначеніемъ въ начальники, сильно разыгралось въ Трифонѣ честолюбіе, вмѣстѣ съ страстью къ строгому порядку и справедливости. Онъ никому и ни въ чемъ не дѣлалъ поблажки, никому не спускалъ даже малѣйшей провинности. Такъ Максиму и Никифору не простилъ онъ ни одной подводы,—бабамъ ихъ ни одного аршина холста; а разъ, заставъ Максима за воровскою рубкою въ господскомъ заказномъ лѣсу, такъ отпочивалъ

онъ двоюроднаго братца, тутъ же на мѣстѣ преступленія, что тотъ насилу домой дошелся. Надо замѣтить здѣсь, что Трифонъ Аѳанасьевъ особенно берегъ этотъ заказной лѣсъ, стоялъ за него, какъ за свою собственность,—и это было крѣпко непонутру пересвѣтовцамъ. И вообще новый староста провелъ надъ всѣми своими подчиненными уровень самой суровой власти. Намѣренія его были хороши, онъ дѣйствовалъ по строгимъ внушеніямъ совѣсти, — но ужь черезчуръ требовательно во всемъ, даже въ мелочахъ. Такъ онъ хотѣлъ, чтобы крестьяне никуда и ни зачѣмъ не отлучались изъ вотчины безъ его спросу; чтобы никто въ деревнѣ шинковъ не держалъ и даже дома, про себя, вина не имѣлъ; чтобы съ базаровъ мужики возвращались непьяные; чтобы при встрѣчахъ съ нимъ непремѣнно шапки снимали; а особенно — чтобы ни въ чемъ не могли поперечить ему на мірскихъ сходкахъ.

Но община пересвѣтовскихъ крестьянъ, съиздавна состоявшихъ на оброкѣ, постоянно отличалась свободнымъ духомъ въ отношеніи своихъ старостъ,—а съ такимъ старостою, каковъ былъ Трифонъ, они всего менѣе могли быть уступчивы: ни за что не хотѣли они покориться затѣйливымъ новымъ порядкамъ.

— Вишь ты, чего захотѣлъ! говорили они промежь себя:—волю-то какую забралъ!... пуще барина, словно бѣлены объѣлся.... Да куда тѣ баринъ?... а вотъ словно мы къ Трифону Аѳанась-

ичу въ кабалу попали!... Анъ нѣтъ! шалишь, малый!... вѣдь ты—нашъ же братъ, крестьянинъ... Да чтой-то, ребята, мудритъ онъ надъ нами? Коли теперича волю-то ему дать—въ разоръ-разоритъ!... Вотъ такъ и поддалися мы ему!...

Однако до поры до времени пересвѣтовцы ограничивались лишь такими разсужденіями и всякими уловками, чтобы обойдти приказанія старосты, да надуть его въ чемъ бы то ни было половчѣе: имъ какъ будто со всѣхъ сторонъ хотѣлось его испробовать. Между тѣмъ Трифонъ все крѣпче и крѣпче держался за учрежденные имъ порядки и жестоко наказывалъ провинившихся изъ-за нихъ.

Такъ прошло опять два года — и скоро пришлось Трифону разстаться съ сельской властью. Всѣхъ менѣе щадилъ онъ на міру своихъ родныхъ, боясь, чтобы не заподозрили его въ потаканьи, а они-то пуще всѣхъ взъѣлись на него, и наконецъ были причиною, что міръ пересвѣтовскій избавился отъ строгаго старосты.

Вотъ изъ-за какого дѣла возстали противъ него родные.

У Никифора Пантелеева была дочь невѣста, которую онъ еще въ прошломъ году просваталъ за сына своего сосѣда, Василья Бочара. Свадьбу отложили до вешняго Николы, потому что невѣстѣ года еще не вышли. Для вѣрности договора, положено было между сватами, Никифоромъ и Васильемъ, что если кто отступится отъ

своего слова, то повиненъ отдать другой сторонѣ корову. Пришелъ срокъ, назначенный для свадьбы,—вдругъ Никифоръ заартачился и, на вопросъ Бочара: «за что такая немилость?»

— А не хочу, говоритъ, не хочу да и шабашъ!... Сынъ твой—такой-сякой, пьяница, мотыга, верченый, на сторонѣ больно избаловался, просто разбойникъ сталъ!... Вотъ не выдамъ-таки за него дочери!...

— Какъ же такъ! возразилъ озадаченный Василій:—уговоръ у насъ былъ.... уговоръ—лучше денегъ.... Да и сынъ-отъ мой, — ничѣмъ, какъ есть....

— Ну, неча и баить! закричалъ Никифоръ:—что жь! былъ у насъ договоръ,—я не отрекаюся —и бери вонъ корову.... А дочери не отдамъ.... Сынъ твой—пьяница, малый пропащій!...

Но совсѣмъ напрасно обидѣлъ Никифоръ Васильева сына, котораго никто о-сю-пору ни въ чемъ худомъ не замѣтилъ. Дѣло было въ томъ, что пока дожидались совершеннолѣтія невѣсты, присватался къ ней другой женихъ, изъ чужой деревни, Иванъ Головачъ, которому дочь Никифорова очень полюбилась. Семья Головача слыла околодкѣ богатою, и самъ Иванъ былъ парень ловкій и бывалый, хотя озорной, гуляка и черезчуръ рьяный. Онъ прельстилъ Никифора и жену его подарками и обѣщаніями, что дочь ихъ будетъ жить за нимъ во всякомъ довольствѣ, «словно купчиха.»

Такое вѣроломство Никифора крайне ненравилось Василью Бочару: безотмѣнно нужна была ему сноха, какъ работница въ дому; сынъ его нарочно пришелъ со стороны для женитьбы; Василій таки порядочно ужь изхарчился для свадьбы; да наконецъ и передъ добрыми людьми было бы зазорно, коли-бъ жениха такъ изъ-за напрасна охаяли: по всѣмъ этимъ причинамъ Василій отправился съ жалобою къ старостѣ, который самъ находился на рукобитьи и былъ свидѣтелемъ условія. Трифонъ велѣлъ тотчасъ же позвать своего двоюроднаго брата, для очной ставки съ Бочаромъ. Никифоръ явился, какъ ни въ чемъ не бывало: въ этомъ дѣлѣ, какъ семейномъ, а не барскомъ и не мірскомъ онъ вполнѣ обнадеживалъ себя, что староста приметъ его сторону.

— Ты зачѣмъ отъ рѣчей своихъ отказываешься? спросилъ его грозно Трифонъ.

— А чтожь, Трифонъ Аѳанасьевичъ, отвѣчалъ съ видимой робостью Никифоръ: — оно вотъ по дѣлу-то выходитъ....

— Чего тамъ выходитъ?

— Сынъ-то его больно озорноватъ, сказываютъ.... Вишь, хмѣлемъ зашибается шибко....

— А врешь ты! Никто про него худа не сказываетъ.... Такъ это, съ вѣтру ты самъ выдумалъ.... Я развѣ не знаю?... Ты говори у меня прямо, а не виляй душой-то....

— Чтожь, Трифонъ Аѳанасьичъ, отвѣчалъ Никифоръ, сильно путаясь въ словахъ:—барину вѣдь

урона никакого не будетъ.... Головачи за выкупомъ не постоятъ.... Люди больно хорошіе.... и для тебя не постоятъ....

— Я-тѣ дамъ—хорошіе!... закричалъ Трифонъ. —Какой хорошій?... Ужь на что озарнѣе Ваньки Головача? Чай, во всемъ околоткѣ не найдти еще такого-то?... Я-тѣ дамъ люди—хорошіе!... Ты у меня и думать не моги!... Коли свои женихи есть, такъ нешто слѣдъ отдавать дѣвокъ на сторону?... Я-тѣ сказываю, чтобы свадьба въ воскресенье была!

— Да какъ же.... началъ было Никифоръ.

— А вотъ какъ же! возразилъ Трифонъ и, схвативъ двоюроднаго брата своего за волосы, сталъ таскать его по всей избѣ, приговаривая: «я вѣдь начальникъ! я вѣдь начальникъ!... слушаться должонъ!... слушаться должонъ!...»

Наконецъ Никифоръ взмолился благимъ-матомъ.

— Батюшка! кричалъ онъ: — отдамъ дочь!... отдамъ!... Хоть сейчасъ берите!...

Трифонъ выпустилъ его, а затѣмъ, дрожащимъ еще отъ волненія голосомъ, сказалъ ему слѣдущее наставленіе:

— Ты что думаешь-то?... что ты братомъ двоюроднымъ мнѣ причитаешься, такъ значитъ по твоему, и можешь каверзничать?... Анъ нѣту! ошибся!... у меня никто спуску не жди!... Баринъ меня старостой поставилъ, волю надъ вами далъ, —такъ и слушайтеся!... Ты что думаешь-то?... Ты ужь мнѣ какъ надоѣлъ-то? Вотъ, еще

въ чемъ замѣчу, да и отпишу барину, чтобы онъ тебя, мошенника, въ Делюхино перевелъ.... а тамъ, братъ, степная сторона, барщина,—съ жиру-то бѣсится не станешь!... И вотъ ей-же-ей, право-слово, коли такъ не сдѣлаю!.... больно ужь вы оба съ Максимкой мнѣ надоѣли!

Свадьба Бочарова сына состоялась въ слѣдующее же воскресенье; но съ этихъ самыхъ поръ ненависть Никифора и Максима къ Трифону возрасла до высшей степени. Особенно эта угроза о переводѣ въ Делюхино бѣсила и тревожила ихъ. Они рѣшились наконецъ сжить съ рукъ лихаго старосту. Всего болѣе хлопоталъ объ этомъ Максимъ, человѣкъ, болѣе брата своего рьяный характеромъ, и прежде всѣхъ задѣтый Трифономъ. Оба они стали безпрестанно толковать на міру, что нельзя больше терпѣть притѣсненій старосты, что слѣдуетъ барину жаловаться, что слѣдуетъ неотступно просить барина о смѣнѣ старосты. Такія предложенія пришли по душѣ пересвѣтовцамъ. Лиха бѣда начать дѣло,—вызвался принести первую жалобу отъ всего міра Максимъ Пантелѣевъ, а тамъ, коли дѣло съ-разу не выгоритъ, —вызвался быть ходакомъ къ барину и Никифоръ. Написали втихомолку посланіе къ барину и отправили Максима. Въ первый разъ, какъ и предвидѣли, дѣло не удалось: баринъ съ глазъ согналъ Максима; но міръ вѣдь упрямъ — и съ этихъ поръ жалобы на Трифона уже не прекращались. Чего-чего не дѣлалъ баринъ, чтобы за-

ставить пересвѣтовцевъ уважать свой выборъ! Между прочимъ, однажды, онъ весьма убѣдительно доказывалъ имъ на общей сходкѣ, «что если и палку вздумается ему поставить надъ ними старостою, — они и палку обязаны почитать и слушать». Однако, крестьяне не убѣдились и отъ жалобъ не унялись, а при всякой оказіи все настоятельнѣе просили «ослобонить» ихъ отъ Трифона. Одоньеву надоѣло наконецъ донельзя это докучанье — и онъ рѣшился смѣнить старосту. Сдѣлалъ онъ это не безъ сожалѣнія.

— Что дѣлать, Трифонъ, сказалъ онъ:—я былъ доволенъ тобою, да вотъ на міръ ты не угодилъ.... На меня ты не пеняй, пожалуйста.

— Батюшка! отвѣчалъ печально Трифонъ:— вѣдь хотѣлося, чтобъ тоже порядки были...

IV.

Это барское распоряженіе чрезвычайно смутило Трифона; не того онъ надѣялся за свою усердную, честную службу; онъ думывалъ иногда, что баринъ наградитъ его со временемъ вольною. Пріунылъ онъ крѣпко, — а старуха Афимья, которая до сихъ поръ уважала въ немъ сельскую власть и мудрую барскую волю, не переча ему даже тогда, какъ онъ самъ за что-нибудь выговаривалъ ей, опять стала нападать на него за то, что не умѣлъ старостой остаться, а особенно за то, что не умѣлъ нажиться.

— Да развѣ ты, лѣшій, годишься куда ни на есть! прибавляла она съ презрѣніемъ.

Сосѣди Трифона, которыхъ крайне забавлялъ безумный гнѣвъ старухи,—смѣху-ради, а, можетъ, и изъ мести, — еще больше подстрекали ее, разсказывая всякія нелѣпости про сына. Скоро и еще прибавилась причина къ ея ожесточенію.

Любила она чрезвычайно внучка своего Юшку, а этого внучка Трифонъ отправилъ на сторону, не смотря на всѣ возраженія и даже просьбы Афимьи. Съ этого-то разу повела она съ сыномъ своимъ уже постоянную войну. Бывало, не проснется онъ безъ брани съ матерью, не пообѣдаетъ, не поужинаетъ, не ляжетъ спать безъ брани же съ нею. Афимья чашку со щами ставитъ на столъ передъ нимъ съ бранью и попрёкомъ, Афимья каши ему накладываетъ, тоже ругаясь, — за все про все раздоръ до ссоры.... Вотъ однажды не вытерпѣлъ Трифонъ,—былъ онъ подъ хмѣлькомъ на ту пору,—и, грѣшникъ великій, самъ обругалъ ее и даже замахнулся на старуху-мать. Къ счастью, она проворно выбѣжала изъ избы, и въ ту ночь у сосѣдей ночевала. На другой день Афимья ни за что не хотѣла простить раскаявшагося своего сына и отправилась жаловаться къ новому старостѣ, который на ту-пору сбирался ѣхать къ барину съ оброкомъ. Староста этотъ былъ одинъ изъ наиболѣе недовольныхъ Трифономъ, и такой случай былъ для него находкою.

— Ужь ты, тетка-Афимья, не сумлѣвайся,— сказалъ онъ старухѣ въ отвѣтъ на ея жалобу:— живъ не хочу быть, а сынка твоего усмиримъ важно!... Онъ намъ во-какъ насолилъ,—такъ ужь ты не сумлѣвайся....

И точно: староста представилъ дѣло Ивану Данилычу въ самомъ черномъ видѣ; налгалъ ему съ-три короба, разсказавъ, что будто бы Три-

фонъ, послѣ того, какъ высадили его изъ старостъ, сталъ сильно виномъ зашибаться, а поэтому всякую почти ночь съ-пьяну выгоняетъ мать свою изъ избы, и что будто вся деревня опасается, какъ бы уголовщина не вышла въ Трифоновомъ домѣ.

Это очень удивило барина.

— Да ты не клеплешь ли на него, Ермилъ?— сказалъ онъ старостѣ.

— Помилуйте, батюшка, — отвѣчалъ Ермилъ, крестясь усердно,—да на семъ бы мнѣ мѣстѣ....

— Ну, ну!... перервалъ баринъ и сталъ ходить по комнатѣ, въ раздумьѣ.

— Такъ какъ же ты думаешь, Ермилъ? спросилъ онъ его наконецъ.

— А насчетъ чего, батюшка?

— Да вотъ насчетъ Трифона.... Я, право, не знаю.... человѣкъ онъ не молодой да и хорошій мужикъ былъ.

— Прикажите батюшка, на міру его наказать.

— То-есть, какъ же это?

— Да такъ, маненько розгами.

— Нѣтъ! я этого не хочу.

— И, батюшка! вѣдь его не убудетъ.... а глядишь—и поумнѣетъ.... смирится эдакъ-то....

Баринъ опять позадумался. Ермилу было извѣстно, что Иванъ Данилычъ нраву нерѣшительнаго, но теперь, видя, что баринъ и объ такой «мелочи» раздумываетъ да нерѣшается,—онъ просто диву дался.

— Пускай міръ разсудитъ хорошенько.... — сказалъ наконецъ баринъ. Если Трифонъ точно виноватъ, міръ можетъ назначить ему какое-нибудь наказаніе. Только ты, Ермилъ, скажи старикамъ, что я не желалъ бы розогъ.

— Слушаю-съ, батюшка.

Тотчасъ же, по пріѣздѣ въ Пересвѣтово староста повѣстилъ всему міру, и старикамъ и молодымъ мужикамъ, чтобы собирались судить Трифона Аѳанасьева. Съ большою радостію сбѣжались всѣ на эту сходку, даже немощные старики выползли, даже неуказныхъ лѣтъ парни явились. Нетáковской былъ староста Ермилъ, чтобы передать старикамъ послѣднее приказаніе барина, да нетаковской былъ и міръ пересвѣтовскій, чтобы онъ, въ случаѣ, гдѣ могъ вымѣстить на человѣкѣ свое неудовольстіе, послушался неопредѣленнаго приказанія барина,—еслибъ оно и на полной сходкѣ было объявлено. Еще до призыва Трифона на сходку, вырывались уже почти у всѣхъ такія выраженія. изъ которыхъ видно было, что ему, бѣдному, хорошаго нечего ждать.

— Что, малой,—кричалъ одинъ,—а надоть его безпремѣнно.... унять надоть....

— Нами-то. вишь, крутилъ-мутилъ!

— Ужь и чортъ ему не братъ, — мудренъ больно!

— А вотъ, ребята, постегать хорошенько....

— Знамо, ребята: пускай міръ уважаетъ!

— А то вѣдь какъ зазнался!

— Спѣсь-то, надоть сбить.... Онъ-то уменъ, онъ-то разуменъ!

Наконецъ позвали на сходку Трифона и Афимью. Первый явился блѣденъ и взволнованъ; этотъ судъ на мiру смущалъ его гораздо болѣе, чѣмъ судъ полицейскiй въ Питерѣ, при двухъ немаловажныхъ случаяхъ его жизни. Вторая же, даромъ что было дура набитая, пришла съ приличной, смиренной кротостью, пришла, вздыхая и охая, какъ будто сейчасъ еще вынесла тяжкiе побои.

— Ну, вотъ, тетка Афимья, сказалъ староста: —баринъ приказъ со мной прислалъ: разсудить тебя на мiру съ сыномъ-то.

— Касатики!... родимые!... завопила Афимья: ужь житья мнѣ нѣтъ въ дому!... Измывается безперечь. Терпѣла-терпѣла!... А яль его не родила, яль не вспоила, не вскормила?... Я вѣдь хлопотала, на сторону пристроила.... А онъ-то, лѣшiй, пёсъ эдакой!... а онъ -то, разбойникъ, домъ совсѣмъ кинулъ, ничего-то намъ не давалъ, бралъ денежки, загребалъ, а намъ хоть бы что; макова зерна не видали, чуть съ голоду не померли!.. Жена-то его старый вѣкъ мой заѣдала, а я все въ домѣ дѣлала, дѣтей ихъ призрѣла. Жена-то его ужь такая была, а онъ хоша бы словечко за меня замолвилъ, все супротивъ! все супротивъ!... Мочушки моей не стало!... головушка бѣдная!...

И подложивъ руку подъ щеку, Афимья заго-

лосила на всю улицу. Однако, всѣ эти жалобы, и при всемъ предубѣжденіи міра не въ пользу Трифона, должны были показаться ему ужь чересчуръ несправедливыми: всѣмъ было извѣстно, что Трифонъ былъ работникъ исправный и всегда съ охотою пособлялъ домашнимъ, что жена его покойница была баба пресмирная и безотвѣтная. Поэтому, выслушавъ Афимью, судьи мірскіе молчали, изрѣдка только въ заднихъ рядахъ схода кое-кто перешептывался. Между тѣмъ Трифонъ стоялъ, опустивъ низко голову и, казалось, ни одного словечка не хотѣлъ вымолвить въ свою защиту.

— Чтожь ты молчишь? прикрикнулъ на него староста;—отвѣчать должòнъ!

— А что говорить-то мнѣ теперича? отвѣчалъ Трифонъ:— на суду мірскомъ, супротивъ матери говорить не слѣдъ....

— Какже такъ!.., нѣтъ, ты говори!... сказано: отвѣчать должòнъ,... возразилъ опять староста.

— Говори, говори! раздались голоса въ сходкѣ.

— Богъ видитъ правду, а больше нечего мнѣ.... право, нечего молвить.... проговорилъ тихимъ голосомъ Трифонъ.

Въ толпѣ пошолъ глухой говоръ. Казалось, и вѣчная правда и здравый смыслъ начали уже дѣйствовать на предубѣжденныхъ мірянъ. Но въ эту самую минуту явился на сходку Никифоръ Пантелѣевъ, только что воротившійся изъ лѣсу.

Узнавъ въ чемъ дѣло, онъ сталъ кричать во все горло:

— Вы что, ребята, на него смотрите?... Эхъ, вы!... тоже судъ судить собралися!... Аль не знаете, каковъ есть человѣкъ? малоль мудрилъ надъ всѣмъ міромъ! Мнѣ вотъ что понадѣлалъ.... эхъ, вы!... А ты, тетка Афимья, дѣло говори!... Ну, что стала?... аль все ужь позабыла и рѣчей не найдешь?...

И злобная баба снова пустилась причитать:

— Батюшки!... кормильцы!... разберите, заступитесь. Со свѣту сжилъ! ни одного денька не проходитъ, все-то меня, горькую, пилитъ-пилитъ, ругаетъ-ругаетъ, а онамеднись чуть было не убилъ.... у добрыхъ людей ночевала!... А яль не вспоила, не вскормила его? яль за дѣтьми его не ходила, яль.... Онъ, вѣдь, всѣмъ роднымъ злодѣй!... Малоль я его останавливала, какъ онъ былъ старостою-то. Я за весь міръ заступалася да онъ, разбойникъ, слушать не хотѣлъ!...

Тутъ поднялся такой шумъ на сходкѣ, что ужь нельзя было и разслышить дальнѣйшихъ словъ Афимьи. Вся сходка напала на Трифона, всѣ бранили его неистово, отсюду слышались голоса, что наказать его нужно.

Не стану описывать мрачную сцену наказанія. Не посмотрѣли на горькія мольбы Трифона, не помиловали его, человѣка уже пожилаго, человѣка, не видавшаго никогда на себѣ такого срама; міръ

вдоволь потѣшился надъ нимъ, высѣкли его жестоко....

Послѣ этого происшествія, тяжкая скорбь налегла на душу Трифона. Въ первые дни онъ сна и пищи лишился; мѣста нигдѣ не могъ найдти себѣ отъ тоски; унизительное наказаніе не выходило у него изъ ума; трудно и стыдно было ему на людей смотрѣть. Не мало времени прошло, пока онъ пересилилъ свою скорбь душевную, но но и осиливъ ее, онъ не успокоился. Онъ потерялъ бодрость духа, какое-то достоинство, проявлявшееся въ его поступкахъ; сдѣлался молчаливъ, угрюмъ и наконецъ, чтобы заглушить въ себѣ горькую думу, сталъ мало по малу испивать съ горя....

V.

Однако, онъ не сдѣлался пьяницею. Его спасла отъ злаго запойства любовь къ труду. Эта любовь была въ немъ чрезвычайно сильна и живуща. Правда, онъ и не думалъ идти опять на сторону; но не слабѣла въ немъ охота находить себѣ занятія и трудиться не по одному только домашнему крестьянскому дѣлу. Онъ видѣлъ, что и дома живучи, можно доставать себѣ прибыль хорошую, —онъ видѣлъ вообще дальше своихъ односельцевъ. Вотъ и вздумалъ онъ торговать лугами и снялъ нѣсколько десятинъ поемнаго лугу въ сосѣднемъ селѣ Боровомъ, для распродажи въ разницу; но дѣло это вышло неудачное: наемщики луговъ убрали сѣно въ дождливую погоду и, нестѣсняемые потерею малаго задатка, отказались взять стога̀. Иванъ Данилычъ Одоньевъ заступился было за Трифона и сталъ хлопотать объ исполненіи наемщиками условій, но оказалось,

что всѣ эти наемщики были помѣщичьи крестьяне, которымъ, безъ поручительства помѣщиковъ, можно было вѣрить только на пять рублей ассигнаціями. Трифонъ понесъ большой убытокъ, задолжалъ и очень поразстроился, такъ что и деньги, подаваемыя Ефимомъ въ домъ, не помогли ему поправиться какъ слѣдуетъ.

Между тѣмъ прошло еще нѣсколько лѣтъ. Старуха Афимья, одряхлѣвшая и совсѣмъ обезсилѣвшая, перестала наконецъ вести съ сыномъ своимъ яростныя ссоры и только, лежа большую часть дня на печкѣ, бормотала себѣ что-то подъ носъ. Хозяйствомъ стала заниматься расторопная бабенка, жена Ефимова. Самъ Трифонъ устарѣлъ, ему за пятьдесятъ перевалило. Къ этому-то времени, съ тяжелымъ чувствомъ недовѣрчивости къ самому себѣ, отказался онъ, слишкомъ на годъ, отъ всякой промысловой дѣятельности.

Подъ конецъ же этого «прогульнаго» времени опять сталъ онъ приглядываться, чѣмъ бы такимъ позаняться. Скоро примѣръ сосѣда Михея Савостьянова, старика лѣтъ шестидесяти и тоже вдовца, соблазнилъ его: онъ рѣшился, съ помощью этого добраго сосѣда, приняться за пчеловодство. Захотѣлось ему быть пчеловодомъ оттого больше, что занимаясь такимъ дѣломъ, могъ онъ удаляться отъ своихъ односельцевъ, которыхъ онъ уже очень не долюбливалъ; унизительное наказаніе не выходило изъ его памяти.

А мысль о новомъ промыслѣ пришла ему въ

голову въ самую пору: только что весна тогда наступала, весна теплая и благопріятная для ронія пчелъ.

Однажды, утромъ, Трифонъ отправился къ Михею Савостьянову на пчельникъ, находившійся въ верстѣ отъ Пересвѣтова.

Мѣсто это было пріютное. Отъ холоднаго сѣверо-западнаго вѣтра защищала его густая березовая роща; саженяхъ въ полутораста съ другой стороны находился прекрасный липовый лѣсокъ, спускавшійся по отлогому склону извилистой рѣчки, берега которой были опушены темнолистными ольховыми и свѣтлозелеными ивовыми кустами. Самый пчельникъ Михѣя представлялъ собою рощицу изъ березъ, липокъ, яблонь, рябинъ, черемухъ и другихъ цвѣтущихъ деревьевъ. Лугъ, по рѣчкѣ, былъ покрытъ цвѣтущими травами: душистымъ дятленникомъ, звѣробоемъ, медовою кашкою, и все это доставляло обильную пищу пчеламъ. Недаромъ Михѣй Савостьяновъ устроилъ себѣ здѣсь пчельникъ: кажется, во всемъ околоткѣ, не было мѣста пригоднѣе.

Утро, когда Трифонъ пошелъ на этотъ пчельникъ, было тихое и жаркое. Съ самаго восхода солнца начало парить. Иной разъ, солнышко заволакивали прозрачныя нити весеннихъ, скоробѣгучихъ облачковъ. Кой-гдѣ, въ мѣстахъ пониже, надъ рѣчкой, надъ озерками, курился легкій паръ; то тамъ, то здѣсь, по краямъ горизонта, протягивались свѣтло-синія дождевыя поло-

сы и громъ глухо, отрывисто, какъ будто гнѣвно, гремѣлъ въ этихъ летучихъ тучкахъ, быстро появлявшихся, и также быстро исчезавшихъ. По временамъ сіяніе солнца ярко освѣщало иныя мѣста холмистой окрестности, а надъ другими, въ туже пору, бѣжали легкія тѣни. Надъ всею окрестностью и тѣни и лучи свѣта играли въ живыхъ переливахъ.

Работа у пчелъ на Михѣевомъ пчельникѣ шла живо и усиленно: они спѣшили воспользоваться до дождя роскошной данью цвѣтовъ и растеній. Гармонично жужжа, быстро сновали онѣ по лугу; но такоежь движеніе было замѣтно и на самомъ пчельникѣ, гдѣ пчелы могли найдти себѣ тоже много пищи.

Тихой поступью похаживалъ промежь ульевъ Михѣй Савостьяновъ, старикъ приземистый, широкоплечій и худощавый, — старикъ сѣдой, какъ лунь, но еще бодрый, съ живыми, свѣтлыми глазами, и даже съ легкимъ румянцемъ на щекахъ. Въ рукахъ у Михѣя не было курилки, голова его ничѣмъ не была покрыта. Пчелы безпрестанно садились ему на загорѣлую шею, на худощавыя, темныя руки, на лицо,—и не жалили его.

Входя въ дверцы пчельника, и увидавъ Михѣя, мирно занятаго дѣломъ, Трифонъ внезапно почувствовалъ въ душѣ горькую зависть и тотчасъ же потомъ грустно стало ему.

— Богъ въ помочь, Михѣй Савостьянычъ, сказалъ онъ, подходя къ старику.

— Милости просимъ, родимый, отвѣчалъ радушно Михѣй.

— А я къ тебѣ.... за дѣльцемъ пришелъ....

— Ну, чтожь, сказывай.

Но Трифонъ не тотчасъ сталъ говорить. Онъ изподлобья осмотрѣлся кругомъ, какъ будто опасаясь, чтобы кто нибудь не подслушалъ ихъ разговора, опустилъ угрюмо голову и словно позадумался.

— Чтожь ты, сосѣдъ?... сказывай.... повторилъ Михѣй, глядя съ участьемъ на пригорюнившагося Трифона.

— Надоть бы мнѣ.... началъ печально Трифонъ, надоть бы опять за дѣльцо какое приняться.... Отъ чужой стороны я ужь отсталъ; зачѣмъ идти туда теперича?... Что, Михѣй Савостьянычъ! поздненько прежнее дѣло начинать съизнова.... Дома-то хотѣлось бы дѣломъ позаняться.... Да вотъ удачи все нѣтъ!...

— Богу надоть молиться....

— Оно, знамо.... да я, кажись, тово.... а все, вишь, дѣло мое въ прокъ нейдетъ....

— Чтожь дѣлать, Трифонъ Аѳанасьичъ.... воля Божья!... А ты все молися.... Богу молиться— впередъ пригодится.

— Вотъ я, Михѣй Савостьянычъ, къ тебѣ пришелъ.... Какъ ты мнѣ скажешь: пчелокъ не завести-ль мнѣ?

— А съ Божьей помощью! Дѣло доброе; на что лучше?

— Коли ты совѣтуешь, такъ и помоги по сусѣдскому дѣлу. Право слово, вотъ-тѣ Христосъ! по смерть не забуду.

— Отчегожъ не помочь?... Пошли Господи, чтобъ дѣло-то въ руку шло!... Возьми улейка три, да что тутъ! пожалуй, и пятокъ возьми на разживу, а разживешься, отдашь.

— Спасибо, Михѣй Савостьянычъ!... Дай тебѣ Господи во всемъ-то удачу, сказалъ обрадованный Трифонъ:—да ужь ты укажи, какъ и дѣло дѣлать.

— А пожалуй, и поучу тебя.... Дай только Господи, чтобъ въ руку шло.

Съ этихъ поръ Михѣй Савостьяновъ сталъ отъ всего сердца помогать Трифону. Указалъ онъ ему мѣстечко хорошее для заведенія пчельника — въ въ сторонѣ отъ своего пчельника, возлѣ самой липовой рощицы; помогъ ему въ ту же вёсну насадить вѣтелъ вокругъ избраннаго мѣста и огородить его; указалъ какихъ кустовъ насадить и какихъ травъ насѣять; подарилъ изъ своего садика цѣлый десятокъ молодыхъ яблонь и далъ на разживу пять колодокъ пчелъ. Скорёхонько пошло въ ходъ новое «дѣльцо» Трифона.

И точно: съ легкой руки Михѣевой оно пошло хорошо. На третью вёсну у Трифона было уже около тридцати ульевъ. Однако, и такой успѣхъ не удовлетворялъ его. Скорая удача новаго предпріятія, разжигая въ немъ желаніе сколь возможно болѣе усилить дѣло, которымъ онъ теперь зани-

мался, пробудила въ душѣ его старыя надежды. Сталъ онъ страстно разчитывать, что годковъ черезъ пятокъ можетъ выдти у него колодокъ полтораста; что продастъ онъ тогда меду не мало; что наконецъ и слишкомъ сотню колодокъ можно будетъ продать,—а такимъ образомъ вы-ручится столько денегъ, что онъ можетъ и отку-питься со всей семьей—да кромѣ того, останется еще довольно пчелы и впредь на разживу. А от-купиться онъ желалъ больше прежняго: уже крѣпко не любилъ онъ своихъ односельцевъ; необ-ходимымъ казалось ему разстаться съ ними на-всегда.

Къ осени онъ продалъ меду пудовъ съ восемь. Съ какою радостью получилъ онъ деньги за этотъ медъ! На ту-пору и сынъ доставилъ ему въ домъ больше обыкновеннаго. Дѣла Трифона пошли отлично. Къ зимѣ онъ уже задумалъ такое дѣль-цо, которое, по расчету его, должно было при-нести ему особенную пользу. Еще осенью же съѣ-здилъ онъ къ барину и выпросилъ у него другое мѣстечко подъ пчельникъ, гораздо попросторнѣе, именно возлѣ березовой рощицы и какъ разъ за пчельникомъ Михея Савостьянова. Тогда же сталъ онъ приготовлять это мѣсто на вёсну: насадилъ всякихъ деревьевъ, кустовъ и растеній. Неспра-ведливость людская, отъ которой такъ много по-терпѣлъ Трифонъ, вредно подѣйствовала на его нравственную сторону; онъ утратилъ большую часть совѣстливости, которою отличались прежде

его дѣйствія. Такъ и теперь пришелъ ему въ голову лукавый помыселъ.

Когда увидалъ Михей работы Трифона, онъ сказалъ ему:

— Какъ же это, родимый, — никакъ ты сюда хочешь пчельникъ свой перенести?

— Точно, Михей Савостьянычъ, отвѣчалъ Трифонъ:—баринъ позволилъ....

— Эко дѣло!... продолжалъ Михей,—оно, пожалуй, и неладно будетъ....

— А что такъ?

— Да какъ же!... либо моя пчела станетъ забиждать твою, либо твоя мою.... вѣдь, вкругъ Петрова дня, будутъ все летать въ липовую рощу....

— Э, дядя Михей, ничего это,—ну, тамъ разберемся какъ-нибудь.

— А нѣтъ, Трифонъ Аѳанасьичъ!... намъ бы лучше по-Божьи.... ты ужь лучше оставь это дѣло....

— Какъ бы не такъ! возразилъ грубо Трифонъ,—баринъ мнѣ позволилъ, — такъ тому и быть!... благо, позволилъ!...

Михей Савостьяновъ ничего не сказалъ больше и ушелъ домой, закручинившись, а Трифонъ въ ту же осень состроилъ себѣ такой пчельникъ, что любо было посмотрѣть.

Теперь было у Трифона свободныхъ сотни три-четыре рублей ассигнаціями, вотъ онъ и порѣшилъ: прикупить у сосѣднихъ пчеловодовъ еще

колодокъ подъ-тридцать и къ веснѣ выставить пчельникъ почти равный Михѣеву. Такъ онъ и сдѣлалъ. Весною, на его новомъ пчельникѣ, деревья такъ хорошо принялись, что ни одно не погибло и всѣ одѣлись богатой листвою. Трифонъ выставилъ колодокъ подъ шестьдесятъ.

Между тѣмъ у Михѣя Савостьянова дѣла шли плоховато. Прохворалъ онъ чуть не во всю зиму. Не было у него людей такихъ знающихъ и разумныхъ, которые, постояннымъ уходомъ за пчелами въ омшанникѣ, сохранили бы ихъ въ хорошемъ положеніи и подготовили бы имъ благополучное появленіе на свѣтъ Божій весною. Много потерялъ Михей по причинѣ своей болѣзни. Весною онъ могъ выставить ульевъ лишь около сорока. Это обстоятельство восхищало Трифона; недобрая радость особенно обуяла его, когда онъ подмѣтилъ, что его пчела гораздо сильнѣе пчелы Михѣевой. На его пчельникѣ шумъ пчелиной былъ густъ, ровенъ и громокъ; онъ отзывался такою здоровою, сильною жизнью, а на Михѣевомъ пчельникѣ пчела гудѣла жиденькимъ голоскомъ, прерывисто, какъ-то въ разбивку.

По нѣскольку разъ на дню навѣщалъ Трифонъ пчельникъ сосѣда, который встрѣчалъ его съ явной неохотою, а самъ къ нему ни зачѣмъ не заходилъ;—и всегда, при этихъ посѣщеніяхъ, сердце Трифона переполнялось гордымъ торжествомъ.

— Наша взяла! разсуждалъ онъ самъ съ собою,—изловчился я съ разу,—анъ дѣло и выго-

рѣло. Право-слово, можно будетъ откупиться!... А Михѣевъ-то пчельникъ такъ и таетъ, такъ и таетъ,—и роятся плохо, и берутъ не берутъ.... Пожалуй и прогоритъ онъ скорёхонько. Оно бы и жаль,—да вѣдь былъ его чередъ, былъ да и сплылъ.... Ну, и плохъ онъ пчелинецъ-то....

Разъ, какъ-то, пришелъ и Михѣй на Трифоновъ пчельникъ.

— Здорово, дядя Михѣй , сказалъ ему весело Трифонъ,—ну, вотъ и ты ко мнѣ зашелъ.... Все-ли по-добру, по-здорову?

— Слава тѣ Господи! Богъ грѣхамъ терпитъ, отвѣчалъ Михѣй:—а я къ тебѣ , Трифонъ Аѳанасьичъ.... по-сусѣдски....

— А милости просимъ.... право-слово, радъ тебѣ. Вотъ погляди-ко на пчельничекъ мой.... Ну, что?... живётъ?...

— Пчельникъ твой—оченно хорошъ.... только ужъ тово.... пчела-то твоя больно озорная....

— Вишь ты!... а почему такъ?

— Я затѣмъ и пришелъ къ тебѣ, Трифонъ Аѳанасьичъ.... Ты ужь Бога побойся!... Надо бы намъ жить по-сусѣдски, побожьи....

— А какъ бы это по-сусѣдски да по-божьи? возразилъ уже довольно сердито Трифонъ:—я-то какъ же живу?,.. Знамо, никого не обижаю — и тебя тоже; ну, чѣмъ такимъ тебя изобидѣлъ?

— Нѣту, родимый, отвѣчалъ Михѣй:—больно ты меня изобидѣлъ.... Вспомни-ка.... помогъ я тебѣ дѣло начать, — право-слово, по душѣ по-

могъ..., А ты теперича что со мною сдѣлалъ.... Озорною пчелой мою пчелу забиваешъ!... Чтожь, Трифонъ Аѳанасьичъ, вѣдь не по-божьи....

— Да я-то чѣмъ причиненъ?... Неча грѣха таить: пчела, вишь, у тебя больно слабосильная....

— А то разсуди: нонѣ моя пчела слабосильна, а на лѣто, пожалуй, и твоя ослабѣетъ.... вѣдь она урочлива....Ну, что хорошаго, какъ мы другъ друга поѣдомъ будемъ ѣсть?... Ты ужь, родимый, поправь дѣло....

— Какъ это поправить?...

— Дѣло немудреное.... захоти только.... А вотъ возьми да перенеси пчелу свою на старое мѣсто.

— И думать не моги!

— Трифонъ Аѳанасьичъ! въ честь прошу.... За что меня старика, обижать будешь?... Я вѣдь тебя ничѣмъ не изобидѣлъ....

— Сказано — и думать не моги! возразилъ съ ожесточеніемъ Трифонъ: — ничего не сдѣлаю,— вотъ-тѣ Христосъ!... Вишь ты!...

— Ну, Богъ съ тобою! отвѣчалъ печально Михѣй:—только Господь накажетъ тебя! На чужомъ добрѣ не раздобудешься—помяни мое слово....

— Проваливай!... проваливай!...

И Михѣй ушелъ. На другой же день сталъ онъ пріискивать, куда бы перебраться со своего любимаго пчельника. Скоро онъ нашелъ мѣстечко у дьячка приходской своей церкви, который, за пару цѣлковыхъ, дозволилъ Михѣю поставить

пчелъ въ его садикѣ до тѣхъ поръ, пока повезетъ онъ ихъ на гречиху. Прискорбно было Михѣю покидать свой пріютный, укромный уголокъ, этотъ пчельникъ, въ которомъ лѣтъ пятнадцать сряду трудился онъ честно. Но невольно сгрустнулось и Трифону, когда онъ увидалъ, что Михѣй не на шутку задумалъ оставить «обсиженное» мѣсто, что онъ покидаетъ свой пчельникъ черезъ него именно. Совѣсть заговорила въ Трифонѣ. Онъ не вытерпѣлъ, пошелъ къ сосѣду и сталъ уговаривать его остаться.

— Ну, что пустое толковать! отвѣчалъ старикъ:—вѣдь ты-то не переѣдешь на старое мѣсто... Что ужь!.... Вотъ, кажись, и просторное мѣсто было, а смотрико-сь намъ съ тобою тѣсно стало. Оставайся ты здѣсь, а я найду уголокъ....

И старикъ не захотѣлъ дольше слушать рѣчей Трифона. Плюнулъ Трифонъ и прочь пошелъ, бормоча сердито про себя:

— Вишь ты, какой нравной!... словно баринъ-помѣщикъ.... не сговоришь и никакихъ рѣчей не принимаетъ! А и то молвить: была бы честь приложена, а отъ убытку Богъ избавилъ. Эка важность!... Да вотъ постой маненько.... какъ бы не пришлось Михѣю Савостьянычу и къ намъ придти за помочью.... Можетъ, вотъ-какъ станетъ кланяться?... А коли придетъ,—чтожь!—и я помогу.... Мы теперича въ состояніи....

Слѣдствія всего этого были очень непріятныя для бѣднаго Михѣя. Весь почти пчельникъ его

уничтожился; къ осени осталось у него только колодокъ десять да и то плохихъ, тощихъ. Между тѣмъ и у Трифона къ осени оказались дѣла не совсѣмъ хороши: потери, правда, не было, но и прибыли вышло мало. Какъ только Михѣй перебрался изъ сосѣдства Трифона, пчела Трифонова плохо стала брать отчего-то. Потомъ, съ конца мая, пошли сильные дожди, которыми забило много пчелы; весь іюнь и половину іюля стояла погода неблагопріятная для роенія: холодная и сильными вѣтрами; добыча на гречихѣ тоже была дурная, и наконецъ — осень несвоевременно рано настала. Къ осени пчела Трифонова оказалась слаба и тоща. Но увлекаясь своими задушевными планами, не имѣя притомъ настоящей опытности въ пчеловодствѣ, Трифонъ рѣшился пустить въ зиму всю пчелу, которая осталась за выломкою меду. Послѣдствія вышли печальныя: слабая пчела не вынесла продолжительной зимы и плохаго продовольствія. Къ слѣдующей веснѣ у Трифона оказалось только тринадцать колодокъ, годныхъ на выставку, — столько же почти, сколько было теперь и у Михѣя. — А затѣмъ въ какіе-нибудь два года и все его пчеловодство до-тла извелось.

Погрѣшилъ онъ по-напрасну противъ добраго сосѣда. И грѣхъ взялъ свое: въѣлся онъ глубоко въ сердце Трифона.

VI.

Много былъ опечаленъ Трифонъ послѣднею неудачею. Да и какъ было не сокрушаться ему? Въ его года гибель завѣтныхъ надеждъ, гибель передъ самымъ ихъ осуществленіемъ, является особенно страшною.

Раза два-три порывался онъ пойдти за помощью къ Михѣю Савостьянову, у котораго дѣла опять стали поправляться по немногу, но горькое сознаніе вины своей передъ сосѣдомъ, своей черной неблагодарности, не допустило Трифона до этого. И остался онъ опять безъ дѣла.

Но бѣда одна не живетъ, — одна бѣда вызываетъ всегда другую; когда встаетъ волна на морѣ, идутъ за нею другія, еще болѣе страшныя волны. Такъ сталось и съ Трифономъ.

Не успѣлъ онъ еще привыкнуть къ мысли, что послѣдній трудъ его пропалъ безвозвратно, какъ

новое несчастіе окончательно поразило его: сынъ его Ефимъ умеръ на сторонѣ. Недолго хворалъ онъ, бѣдняга, и съ самаго начала болѣзни предчувствовалъ смерть. Передъ концомъ, попросилъ онъ какого-то знакомаго грамотѣя написать домой письмецо; слезно прощался онъ со всѣми родными и наказывалъ имъ долго жить.

О, какъ горевалъ Трифонъ! Всѣ на деревнѣ, мужики и бабы, въ-чужѣ жалѣли о немъ, всѣ утѣшали его. Тяжкое положеніе Трифона всѣмъ бросалось въ глаза: самъ онъ—уже старикъ, мать его—старуха, обезумѣлая отъ старости и немощи, сынъ — малоумный, дочь — калѣка, да двѣ внучки, дочери Ефима, одна трехъ лѣтъ, и другая меньше году, и на весь домъ одна только настоящая работница, вдова Ефимова....

И сталъ бѣднѣть Трифонъ съ каждымъ днемъ, сталъ бѣднѣть не по днямъ а по часамъ. Некому было исправить, какъ надо, нуждъ домашнихъ; подмоги не откуда было ждать. Хоть бы внучка маленькаго далъ Богъ на утѣшеніе, внучка, который, — глядишь, годковъ черезъ десятокъ, эдакъ,—поднялся бы на ноги: сначала подсоблялъ бы по домашнему дѣлу, а тамъ и на сторону можно бы его отпустить.... Совсѣмъ осиротѣлъ Трифонъ, а у него на шеѣ обуза немалая.

Слыхалъ я отъ одного барина присловье, объясняющее, по его мнѣнію, пословицу: «на Руси святой съ голоду не умираютъ»—вотъ какое это

присловье: «русскій мужикъ—что ракитовый кустъ, какъ ни стриги его, онъ опять обростетъ....» Можетъ, оно и правда въ землѣ нашей, гдѣ водится такъ много всякихъ диковинокъ, только къ Трифону это присловье не подходило. Обездолѣлъ онъ, горемычный, совершенно и во всемъ. И онъ потерялъ бодрость духа. Дума его, до сихъ поръ почти безпрестанно подзывавшая его на новый трудъ, манившая надеждами, дума эта, прежде столь плодовитая, теперь стала твердить ему ежечасно, что не зачѣмъ уже трудиться, что не на что надѣяться, что впереди лишь — нужда да смерть.

Тотчасъ же послѣ смерти Ефима, баринъ освободилъ Трифона отъ оброка, отъ подводъ и отъ всякихъ податей; но и это не помогло. Года въ два перевелись у него всѣ деньжонки, накопленныя отъ пчеловодства и отъ заработковъ Ефимовыхъ.

«Гдѣ тонко, тамъ и рвется»—скоро и самъ Трифонъ сталъ усиливать свое разореніе невоздержностью: принялся онъ опять за винцо, за пьянство, хоть и не безобразно, а все-таки частенько. Въ это время случилось съ нимъ происшествіе, доведшее его до гибели душевной.

Трифонъ не любилъ пьянствовать дома и у себя—на деревнѣ; любилъ онъ выпивку въ сосѣднемъ огромномъ селѣ Боровомъ, гдѣ по субботамъ бываютъ базары. Всякую субботу отправлялся онъ въ Боровое. Не было у него тамъ никакого дѣла:

продавать было нечего да и покупать не на что а онъ все-таки постоянно ѣзжалъ на базары. Онъ былъ мастеръ великій присосѣдится къ какому нибудь пьяницѣ и «погулять» на чужой счетъ. Только та бѣда, что и для такого мастерства приходилось дѣлать издержки: надо было и самому поднести иной разъ хоть одинъ стаканчикъ. Стаканчикъ за стаканчикомъ, деньжонки-то и уплывали, деньжонки послѣднія, истинно кровныя. И Трифонъ не жалѣлъ ихъ; онъ считалъ нужнымъ пить, чего бы то ни стоило,—онъ пилъ теперь истинно съ горя; во время пьянства горе легче становилось; нужда, столь близкая къ нему не такъ уже страшила его; смерть, тоже близкая, казалась желанною гостьею.

Скоро Трифонъ нашелъ себѣ въ Боровомъ пріятеля, деревенскаго портнаго Савелья Кондратьича, двороваго человѣка сосѣдняго помѣщика, который прогналъ его отъ себя давно уже за пьянство; съ нимъ-то онъ всего болѣе пилъ-гулялъ. Савелій Кондратьичъ,—человѣкъ лѣтъ уже слишкомъ пятьдесяти, высокій, сухопарый, легкій на ногу,—былъ горчайшій пьяница. Все, что ни добудетъ, бывало, работая безъ устали чуть не цѣлую недѣлю, пропивалъ онъ въ субботу (базарной день) и въ воскресенье, да такъ пропивалъ, что зачастую и опохмѣлиться въ понедѣльникъ было не на что. Много труда, нужды, горя перенесъ и переносилъ на своемъ вѣку Савелій — и никогда не унывалъ. «Съ меня что кому взять?.... да и

мнѣ объ чемъ такомъ кручиниться?.... вольная птица!....» говаривалъ онъ самъ про себя. Беззаботно трудился онъ, какъ умѣлъ, балясы точилъ за работою, пѣлъ во все горло, а пропивалъ трудъ свой еще беззаботнѣе. Хорошій человѣкъ былъ Савелій Кондратьичъ. Одно только и было въ немъ не совсѣмъ хорошо; въ хмѣлю бывалъ онъ неспокоенъ, не то, чтобы задоренъ и буенъ, а ужъ черезчуръ болтливъ и суетливъ. Съ нимъ-то сошелся и очень подружился Трифонъ. Съ годъ были они друзьями закадычными, оттого больше, что сначала какъ-то ровно всегда пьянствовали; но къ концу этого года Савелій Кондратьичъ плохъ сталъ оказываться; черезчуръ ужъ скоро пьянѣлъ, а иной разъ «до чёртиковъ» допивался.

Однажды Трифонъ много попрекалъ его за эту послѣднюю способность.

—Ну, что ты меня попрекаешь? возразилъ Савелій Кондратьичъ.—Эхъ, братъ Триша!... ну, зачѣмъ ты попрекнешь меня, слабаго человѣка?... Вотъ погоди... какъ бы, братъ, хуже чего съ тобою не вышло...

И точно, скоро приключилась съ Трифономъ премудрёная оказія.

Разъ,—это было въ концѣ сентября, — ѣхалъ онъ домой изъ Боровраго, нисколько не пьяный, а только немного на-веселѣ; пріятеля его Савелья Кондратьича не было на ту пору въ Боровомъ, а ни съ кѣмъ другимъ не похотѣлось Тривыпить лишній стаканчикъ. Дѣло было къ вечеру.

Солнце только-что сѣло въ небольшой, темной тучкѣ, края которой ярко еще золотила заря. Сквозь тонкія, въ видѣ тумана, облака, заволакивавшія во многихъ мѣстахъ блѣдно-голубое осеннее небо, недавно народившійся мѣсяцъ тускло глядѣлъ на окрестность. Путь Трифона шелъ по широкимъ лугамъ села Бороваго, начистó вытравленнымъ тогда скотомъ, ходившимъ по отавѣ. Легкій и зыбкій туманъ кой-гдѣ стоялъ надъ этими лугами. Сквозь туманъ просвѣчивала мѣстами темно-сизая, какъ хорошо закаленная сталь, полоса захолодавшей большой рѣки, которая влѣвѣ прихотливо извивалась въ бугристыхъ, песчаныхъ берегахъ.

Трифонъ ѣхалъ по тихоньку, нисколько не понукая тощую свою лошадёнку, ѣхалъ и думалъ не веселую думу.

«Эхъ!» думалъ онъ: «инымъ-то людямъ счастье какое!... Вотъ хоша бы Зотъ Гордѣичъ: пріѣхалъ изъ Загорья на такомъ конѣ,—по базару давича расхаживаетъ, — и кто-кто не снимаетъ передъ нимъ шапку!... и я тоже снялъ,—провалиться бы ему!... такъ ужь на бѣломъ свѣту, испоконъ, чай, вѣку, повелось, — знамо, богатъ человѣкъ, ну и кланяются. Никто въ народѣ его не любитъ, — больно лютъ и не жалостливъ, а подикось, какъ почитаютъ!... Вонъ я честно жилъ и работáлъ,—чего жь такого нажилъ-то? кошель на шею нажилъ, да не себѣ одному, а всей семьѣ!... Господи! семья моя!... А Зотъ Гордѣичъ, сказы-

ваютъ, куда легко большія деньги добылъ.... Добыча эта, охъ, добыча!... И добро бы уменъ былъ Зотъ Гордѣичъ да во всемъ-то ему удача была.... и обманывалъ, и обкрадывалъ, и нажималъ все съ удачею,—воля какая ему теперича!... вотъ и почитаютъ его, боятся.... Эхъ! хоша бы годикъ-другой пожить хорошенько!...»

На послѣдней мысли дума Трифона оборвалась: телѣгу вдругъ сильно тряхнуло, чуть не опрокинуло. Онъ взглянулъ вокругъ себя. Мѣсяцъ совсѣмъ заволокло; только малое, желтоватое пятнышко осталось отъ него въ бѣлыхъ, плотно скученныхъ облакахъ. Впереди, и уже не такъ далеко, Трифонъ увидалъ небольшую, черную полосу, рѣзко отдѣляющуюся отъ туманнаго горизонта и отъ темнаго пространства луговъ безъ травы: то было сельцо Пересвѣтово, съ его садиками и пчельниками.

Но тотчасъ же потомъ показалось Трифону, что вдали, на самомъ краю горизонта, встаютъ словно волны какія-то.... Съ испугомъ, онъ сталъ всматриваться—и почудилось ему: далекія волны эти тронулись и покатились въ его сторону.... Вотъ онѣ все ближе и ближе, вотъ затопили окрестность; луга потеряли свой темный оттѣнокъ и покрылись тускло-свѣтящимися рядами шибко бѣгущихъ волнъ.... Замерло сердце у Трифона. Ему ужь казалось, что телѣгу его заливаетъ водою; что волны такъ и рвутся упасть на него, слиться надъ нимъ, что онъ долженъ непремѣнно утонуть....

— Эй! постой-ка, братъ!... эко диво!... стоитъ на колѣняхъ въ телѣгѣ, озирается во всѣ стороны, а ничего не видитъ.... произнесъ вдругъ человѣкъ, очутившійся. какъ-разъ, съ правой стороны телѣги.

— Съ нами крёстная сила!... вскричалъ Трифонъ, дрожа всѣми членами.

— Да что ты, братъ?... словно ошалѣлъ совсѣмъ!... Аль больно заспался?... А то, можетъ, хлебнулъ больно черезъ край? сказалъ встрѣтившійся человѣкъ.

— Тьфу ты, пропасть!... молвилъ наконецъ Трифонъ:—да это ты, никакъ, Савелій?...

— А ты какъ бы думалъ?... знамо, я,—а не лѣшій аль водяной.

При этихъ словахъ Трифонъ опять задрожалъ, перекрестился и осмотрѣлся кругомъ; но видѣнія уже не было—волны исчезли. Пересвѣтово было видно, какъ на ладонкѣ; огни мелькали въ избахъ; собаки во всѣхъ дворахъ заливались звонкимъ лаемъ.

— Диковина приключилась!... сказалъ, какъ бы про себя, Трифонъ.

— Что, братъ, такое? спросилъ любопытный Савелій Кондратьичъ.

— Опосля скажу.... Ты куда Саввушка?

— А ночевать въ Боровое.

— И! что такую даль ночью.... Поѣдемъ ко мнѣ лучше, у меня ночуемъ.

— Ну, чтожь! пожалуй, поѣдемъ. Я и то хотѣлъ

было давича у тебя заночевать, да не засталъ тебя дома.

Пріятели скорёхонько добрались до Пересвѣтова. Между тѣмъ небо потемнѣло; густой туманъ всталъ надъ болотистыми озерками и надъ рѣкою, совсѣмъ закрывъ ее и боръ, примыкающій къ селу Боровому.

VII.

Когда Трифонъ и Савелій Кондратьичъ вошли въ избу, Анна, вдова Ефимова, сказала полушопотомъ свёкору:

— Бабушкѣ-Афимьѣ труднёхонько.... съ чего-то вдругъ подѣялось.... все металась на печкѣ, больно стонала.... А теперича знать полегчело, словно заснула да все тяжко таково дышетъ....

— Ну!... произнесъ задумчиво Трифонъ.

— А какъ бы не померла за ночь-то?... молвилъ Саввушка.

— Нѣту!... отвѣчалъ Трифонъ:—она завсегда такъ-то съ самой осени, да и зиму.... знамо, человѣкъ старой, чай, всѣ кости болятъ....

— А что, малый?... потихоньку и будто робко спросилъ Савелій Кондратьичъ у Трифона: — не пойдти ль, тово, къ Аринѣ.... выпить бы надо

маненько.... вотъ, вишь, у меня полтора цѣлковенькихъ есть,—за работу въ Мишинѣ получилъ....

— Нѣту, въ шинокъ не пойду, угрюмо возразилъ Трифонъ.

— А сюда бы.... тово.... можно? умильно спросилъ Саввушка.

Но Трифонъ ничего не отвѣчалъ на этотъ умильный вопросъ.

— Что жь ты?... продолжалъ Саввушка,—да!... можетъ.... тово.... помирать она собралась?

— Наладилъ съ однимъ! сердито отвѣчалъ Трифонъ:—сказано, что завсегда такъ къ осени.

— Ну, и то такъ.... Я теперича пойду къ Аринѣ.

И Саввушка вышелъ.

Чрезъ минуту старуха Афимья громко и протяжно простонала. Трепетъ обдалъ Трифона, когда онъ услышалъ этотъ тяжкій стонъ. Анна проворно бросилась на печку къ старухѣ и въ то же время показалась съ палатей косматая голова полоумнаго Мишутки; онъ смотрѣлъ внизъ, уставивъ на отца огромные, безжизненные глаза на выкатѣ.

— Невѣстка-касатка, — промолвила на полатяхъ глухимъ полушопотомъ дочь Трифона Аграфена:—никакъ бабушка....

И она заплакала, громко всхлипывая.

Слова Аграфены съ пронзительной болью отозвались въ сердцѣ Трифона.

— Что тамъ еще!... сказалъ онъ тихо, но очень

сердито,—эка дура! ничего не видя, хнычетъ.... словно махонькая.

Груша тотчасъ же замолкла и притаила даже дыханіе; въ тоже мгновеніе спряталась и голова Мишутки: въ домѣ всѣ очень боялись Трифона; со времени послѣднихъ несчастій своихъ онъ сталъ къ семьѣ суровъ чрезвычайно, даже до жестокости.

Скоро спустилась съ печи Анна.

— Ну?—спросилъ Трифонъ.

— Кажись, спитъ, отвѣчала она.

Между тѣмъ прошло много времени, а Савелій Кондратьичъ все еще не возвращался. Трифонъ, однако, не замѣчалъ этого. Онъ былъ весь погруженъ въ печальныя мысли. Опять смерть стучалась въ дверь его дома—и новая забота вставала опять для него, забота похоронить старуху: вѣдь на похороны да на поминки нужны расходы не малые. Въ избѣ же было все тихо, такъ тихо, что всякій звукъ можно было различить явственно: слышно было и ровное сопѣнье Мишутки и прерывистое дыханіе старухи; тишину эту нарушало лишь изрѣдка рѣзкое вскрикиваніе сверчка подъ печкой.

Но наконецъ воротился и Саввушка. Тихонько отворилъ онъ дверь, просунулъ въ нее свое узенькое рыльцо и визгливымъ шопотомъ промолвилъ оттуда:

— Триша!... а, Триша!... идти чтоль?...

— Да иди, провались ты!... отвѣчалъ вполголоса Трифонъ.

— А тётка-то.... тетка Афимья?... жива, аль тово: померла ужь?...

Зло взяло Трифона.

— Ахъ, ты, лѣшій, пьяница!... право слово, надоѣлъ до смерти.... проговорилъ онъ съ ожесточеніемъ.

— Ну, ну.... ты, Триша...; за что? не ругайся! вотъ вишь.,.. иду, иду....

И Саввушка вошелъ въ избу, сильно покачиваясь. Бережно, словно кладъ какой, держалъ онъ за пазухой штофъ вина; правая рука его лежала на драгоцѣнной ношѣ, крѣпко прижимая ее къ груди. Видно было, что Савелій Кондратьичъ не потерялъ даромъ времени: лицо его горѣло, какъ маковъ-цвѣтъ, а носъ пылалъ, словно полымя; глаза были сильно на выкатѣ. Медленно, заплетая ногами, и ныряя безпрестанно всклоковченной головою, подошелъ онъ къ столу, за которымъ сидѣлъ Трифонъ.

— Важно успѣлъ нахлюстаться..... сказалъ Трифонъ съ презрѣніемъ.

— А, а! чтожь такое? лепеталъ Саввушка;— Триша.... вѣдь на свои денежки.... кровныя свои... ну, и тово.... Да ты не тужи, братъ.... вишь, цѣлый штофъ? цѣлый штофикъ принесъ! поживемъ Триша....

— Эхъ, ты!...

— Триша!,.. слабый я человѣкъ.... человѣкъ,

тоись, Божій.... а никого не изобидѣлъ.... Вотъ ей-же-ей! никого, какъ есть.... смирный человѣкъ.... и у господъ служилъ.... и то синя пороха....

И Саввушка,—человѣкъ, показывавшій во время пьянства большую чуствительность, — горько заплакалъ. Но черезъ минуту слезы его изсякли.

— Триша, вдругъ спросилъ онъ, заикаясь:— а тетка Афимья?...

— Перестань поминать про нее! грозно вымолвилъ Трифонъ.

— Ну, ну, не стану, сказалъ пьяница. Потомъ усѣлся онъ у стола, поставилъ штофъ и возлѣ него два стакана, одинъ большой квасной, а другой маленькій,—и умильно улыбнулся.

— Родимый, милый ты человѣкъ! Триша!... залепеталъ опять Саввушка: — ты смотри-ка, не изобидѣлъ тебя. выйдетъ, вотъ же ей, поровну; у Арины-то, съ хорошимъ человѣкомъ, не утерпѣлъ.... да вишь, досталъ стаканчикъ-то одинъ, смотри какой! это — тебѣ, братъ Триша, а мнѣ махонькой! а мнѣ махонькой!...

Трифонъ ничего ему не отвѣчалъ; онъ сидѣлъ, опустя низко голову. А между тѣмъ Савелій Кондратьичъ и здѣсь не упускалъ времени: бормоча какую-то нескладицу, то громко, то шопотомъ, то съ дребезжащимъ смѣхомъ, то съ ребяческимъ плачемъ, онъ успѣлъ разъ-за-разомъ вытянуть четыре стаканчика. Скоро голосъ его оборвался,

онъ совсѣмъ осовѣлъ — и замолкъ. Такъ прошло съ полчаса.

Но вдругъ Саввушка порывисто приподнялся съ лавки, вытянулся во весь длинный, нескладный ростъ, нѣсколько секундъ пошатался, застоналъ пронзательно визгливо, какъ будто сквозь сильно стиснутые зубы, закинулъ голову назадъ, медленно повелъ вверхъ лѣвую руку, словно хотѣлъ схватить себя за голову, еще разъ отрывисто взвизгнулъ—и тяжело свалился на полъ, ударившись головою о косякъ лавки.

Трифонъ и Анна бросились поднимать Саввушку. Когда они положили его на лавку, онъ былъ уже бездыханенъ; губы были раскрыты и черезъ нихъ выставлялись крѣпко стиснутые зубы; въ открытыхъ глазахъ не свѣтилось и слабаго луча жизни; все лицо было синевато-багроваго цвѣта. Изъ всѣхъ силъ хлопоталъ Трифонъ около своего пріятеля, и прыскалъ водой ему въ лицо, и лилъ воду въ ротъ, и обливалъ голову, и встряхивалъ его, но все было напрасно. Съ каждымъ мгновеніемъ все холоднѣе и окоченелѣе становились члены бѣднаго Савелья Кондратьича. Но не хотѣлось Трифону разстаться съ надеждой, что можетъ, онъ еще и не умеръ.

— Аннушка! сказалъ онъ невѣсткѣ:—глянь-ко ты, ради Христа.... авось онъ.... вотъ грѣхъ-то приключился!...

Анна долго тоже хлопотала около Саввушки, но наконецъ она увѣрилась, что смерть его несомнѣнна.

— Померъ.... прошептала она, потомъ прибавила:

— Батюшка-свекоръ.... взглянь-ко, вотъ у него на правомъ вискѣ пятно какое-то....

И въ самомъ дѣлѣ, на вискѣ у Саввушки было огромное, темно-багровое пятно.

— Плохо дѣло! бѣда!... подумалъ Трифонъ. Пожалуй, становой привяжется.... откупиться нечѣмъ, сгніешь въ острогѣ. Скажутъ—вмѣстѣ пьянствовали—подрался, убилъ.... вишь, пятно проклятое!...

Крѣпко позадумался Трифонъ. Наконецъ вышелъ онъ потихоньку на улицу. Ночь была темна и глуха. Нигдѣ у сосѣдей огня уже не было; всѣ на деревнѣ спали крѣпко, даже собаки,—ни одна изъ нихъ и съ просонья не тявкнула. Воротившись на дворъ къ себѣ, Трифонъ и тутъ постоялъ да подумалъ. Потомъ подошелъ онъ къ заднимъ воротамъ, полегоньку отодвинулъ задвижку, еще тише принялся отворять ихъ—и отворились онѣ, нисколько не заскрипѣвъ. Заглянулъ онъ за ворота: на задахъ двора его было еще тише и глуше, чѣмъ на улицѣ.

Трифонъ мгновенно теперь рѣшился—и все, что придумалъ, сдѣлалъ осмотрительно и осторожно. Тихо подмазалъ онъ телѣгу, тихо запрегъ лошадь, собачёнку свою, привыкшую сопровождать лаемъ выѣздъ его со двора, заперъ въ хлѣвушокъ—и за тѣмъ проворно воротился въ избу.

— Надо прибрать.... сказалъ онъ отрывисто Аннѣ:—помоги снести его въ телѣгу....

— Батюшка-свекоръ!... промолвила трепещущимъ голосомъ Анна,—какъ бы....

— Что тамъ еще?... бери за ноги.... ну!...

И вдвоемъ они легко вынесли Савелья Кондратьича: онъ и тутъ легокъ оказался, если не на ногу, такъ всей своей особой. Трифонъ выѣхалъ въ заднія ворота. На его счастіе ни одна собаченка нигдѣ не залаяла; онъ выбрался изъ Пересвѣтова благополучно. Путь его лежалъ не далеко. Онъ рѣшился спроводить пріятеля своего въ рѣку, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ она очень глубока.

Какъ ни тверда была эта рѣшимость его,—много страху онъ натерпѣлся дорогою. Его пугали теперь не опасенія быть пойманнымъ на такомъ страшномъ дѣлѣ. Но ѣхать съ мертвецомъ въ глухую пору, чуть не въ самую полночь, ѣхать по той же дорогѣ, гдѣ за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ являлись ему странныя видѣнія,—вотъ отчего безпрестанно дрожь пронимала Трифона и дыбомъ вставали волосы на его головѣ.

И все усиливало его страхъ. Бѣловато-мутная мгла, разстилавшаяся кругомъ, представлялась ему какою-то бездонною пропастью, въ которую вотъ сейчасъ стремглавъ полетитъ онъ съ телѣгой и съ безгласнымъ своимъ сѣдокомъ. Лошадка Трифона должна было идти тихо, какъ же бѣжать съ покойникомъ по кочковатой луговой дорожкѣ?

Трупъ Саввушки, съ открытыми, потухшими глазами, отъ которыхъ Трифонъ не могъ оторвать взора своего, трупъ этотъ, подскакивавшій безпрестанно въ телѣгѣ отъ толчковъ, ужасалъ его не выразимо.

Наконецъ онъ достигъ того мѣста, гдѣ предположилъ похоронить Савелья Кондратьича. Это былъ довольно отлогой берегъ большой рѣки, опушенный здѣсь густыми кустами ракитника; у этого-то самого берега было чрезвычайно глубоко. Тутъ былъ омутъ, который въ иные трескучіе морозы никогда не замерзалъ.

Бережно навязалъ Трифонъ на шею Саввушки большой отломокъ жерноваго камня, захваченный имъ съ собою изъ дому; бережно спустилъ трупъ изъ телеги наземь и поволокъ его за ноги, черезъ кусты. А въ тоже время, съ тяжкимъ ужасомъ, смотрѣлъ онъ на темное лицо своего бѣднаго пріятеля; тоска мучительно сжимала его сердце. Но вотъ онъ на самомъ краю берега.... Положилъ онъ трупъ ногами къ рѣкѣ и потихоньку сталъ подвигать его въ воду.... Наконецъ онъ совсѣмъ спихнулъ его....

Въ тоже мгновеніе почудилось ему, что въ кустахъ кто-то простоналъ тяжело.... Не помня себя отъ ужаса, онъ вскочилъ въ телѣгу и погналъ лошадь, что есть мочи.

Воротился онъ домой еще до свѣту и также незамѣтно, какъ выѣхалъ.

Все остальное время ночи онъ не могъ уже за-

снуть. Душа его ныла; великая жалость къ бѣдному Саввушкѣ наполняла ее. Иной-разъ казалось ему, что онъ кинулъ въ рѣку не трупъ его, но живаго его, что онъ убилъ Саввушку....

Не спали въ ту ночь и дочь его Аграфена и невѣстка Анна: тихо и робко плакали онѣ о чемъ-то. Только Мишутка да двѣ дѣвочки, Аннины дочери, спали безмятежно; да казалось, спитъ и старуха Афимья, дыханье которой, къ концу ночи, сдѣлалось ровнѣе и легче.

Когда же стало разсвѣтать на дворѣ, Афимья опять отрывисто, громко простонала и вслѣдъ за тѣмъ завозилась на печкѣ. Анна поспѣшила къ ней. Было замѣтно, что старуха проснулась,— если только спала,—но глазъ она не открывала.

— Бабушка, — спросила потихоньку Анна,— испить не подать ли?...

— Ненадоть.... отвѣчала Афимья густымъ и твердымъ голосомъ—А пьяницу Савку куда схоронили?... вдругъ спросила она также громко.

Анна ничего не отвѣчала и только робко поглядывала на Трифона, а онъ, услышавъ слова матери, затрепеталъ всѣми членами.

— Все слышала.... продолжала старуха,—куда жь дѣвали-то?... а?... ну, все равно!... Аннушка! подай дѣвчонокъ своихъ, Мишутку, Грушку позови....

Когда Анна подала къ ней потягивавшихся сквозь сонъ дѣвочекъ, Афимья положила имъ на голову костлявыя , горячія руки, перекрестила

ихъ и приложила холодныя губы къ разгорѣвшимся щочкамъ малютокъ. Потомъ перекрестила она Мишутку и Грушку.

— Ну, ступайте.... промолвила она уже хриплымъ голосомъ, а черезъ минуту прибавила чуть слышнымъ голосомъ: «попа!...»

Между тѣмъ Трифонъ подошелъ къ печкѣ.

— Матушка!... сказалъ онъ,—аль тебѣ больно-тяжко стало?...

Старуха не отвѣчала.

— Матушка!—повторилъ Трифонъ дрожащимъ голосомъ,—аль помирать ты хочешь?... Всѣхъ ты благословила.... меня не забудь.... благослови меня, матушка....

Но отвѣта не было. Трифонъ горько заплакалъ.

— Прости меня, Христа-ради.... говорилъ онъ, —прости меня, окаяннаго!... Наказалъ Господь довольно.... Благослови, какъ ихъ-то благословила.... Прости передъ концомъ!...

Трифонъ обнималъ и цаловалъ ноги матери, бралъ руки ея, но она ничего не отвѣчала. Заглянулъ онъ въ лицо ей—и ужаснулся. Расширенные чрезвычайно зрачки горѣли сверхъестественнымъ огнемъ и пристально, грозно смотрѣли на него. Почернѣвшія губы были крѣпко сжаты; тонкій носъ обвострился; въ горлѣ звонко билъ «колоколецъ», Старуха была страшна несказанно.

Неотступно умолялъ Трифонъ мать свою о прощеніи, а она все не отвѣчала ему и томилась

смертною мукою. Пришелъ священникъ. Онъ исповѣдалъ старуху «глухою исповѣдью» и причастилъ. Передъ причастіемъ, онъ долго убѣждалъ ее простить сына, дать ему благословеніе крестнымъ знаменіемъ, но старуха осталась непреклонна и взоръ ея горѣлъ грознымъ огнемъ, когда устремлялся на сына.

И три дня такъ прошло, три дня страшныхъ мученій для Трифона. Сна и пищи онъ лишился. Безпрестанно просилъ у матери благословенія—и все понапрасну.

Пересвѣтовцы, одни за другими, навѣщали избу Трифона, глядѣли на старуху, покачивали головой, шептались таинственно промежь себя— и много жалѣли Трифона. Наконецъ нѣкоторые изъ стариковъ и старухъ посовѣтовали ему поднять «матицу» въ потолкѣ.

— А то вишь она не кончается.... душа не выходитъ.... говорили они.

Но Трифону не до того было, чтобы вслушиваться въ разные совѣты; онъ почти обезумѣлъ отъ ужаса и отъ мученій душевныхъ.

На третій день лицо старухи почернѣло. Съутра стала она стонать безъ перерыву; «колоколецъ» билъ въ горлѣ у ней уже неровно: то тихо, то громко. Къ полуночи стонала она такъ, что было слышно на улицѣ и въ сосѣднихъ домахъ. А иногда стоны прекращались и на нѣсколько секундъ какъ будто останавливалось и дыханье ея. Конецъ Афимьи уже былъ близокъ.

За нѣсколько мгновеній до ея смерти, Трифонъ, не уставшій умолять о прощеніи, наклонился надъ самымъ лицомъ матери и, рыдая, сталъ опять повторять:

— Матушка!... прости, ради Господа!... прости!... прости!...

— Прочь!... прошептала она для него только слышнымъ голосомъ — и въ ту же минуту испустила духъ.

VIII.

Трифонъ перенесъ страшныя впечатлѣнія всѣхъ этихъ событій; но на нѣкоторое время былъ пораженъ такой мрачной тоскою, что нельзя было видѣть его безъ содроганія. Мѣсяца два прохворалъ онъ въ тяжкой болѣзни; крѣпкое, жилистое сложеніе его было надорвано душевнымъ страданіемъ. Однако все вынесла его натура. Черезъ какихъ нибудь полгода сгладились на немъ наружные слѣды душевныхъ мученій. Только для глубоко наблюдательнаго взора могли быть замѣтными рѣзкія перемѣны въ характерѣ Трифона.

Онъ сдѣлался чрезвычайно не ровенъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ: иногда слезно жаловался всякому на свои несчастья, иной же разъ, весь погруженный въ мрачное уныніе, словечка не хотѣлъ вымолвить ни съ кѣмъ и ни объ чемъ. На

базары онъ пересталъ совсѣмъ почти ѣздить,— развѣ-развѣ понадобится купить для домашняго дѣла соли или другое что нужное; къ сосѣдямъ пересталъ тоже захаживать; на праздники никуда уже не ходилъ и къ себѣ не пускалъ; на мірскія сходки сначала еще являлся, но когда спрашивали его о чемъ нибудь,—бывало, рукой махнетъ да отвѣтитъ: — «А что тутъ?... какъ міръ хочетъ!... мое дѣло сторона.... изба моя съ краю, ничего не знаю....

Когда же случалось ему услыхать на сходкѣ про какое нибудь несчастіе въ сосѣдствѣ, — напримѣръ, про пожаръ, — онъ не присоединялся къ общему хору сожалѣній, а всегда коротко возражалъ:

— Ну, сгорѣли, такъ сгорѣли.... опять выстроятся.... Дѣло это поправное....

— Вишь ты, братъ, какъ поговариваешь!.... А у тебя случися....

— Всего случалось.... отвѣчалъ, бывало, тихимъ голосомъ Трифонъ.

И, сказавъ слова эти, онъ уходилъ домой, повѣсивъ голову и ни на кого не глядя.

Наконецъ, даже по позывамъ стариковъ, онъ чрезвычайно рѣдко сталъ являться на сходки: сталъ онъ все дома заниматься какимъ-нибудь пустымъ дѣломъ: то колышки какіе-то, бывало, завостриваетъ, то хворостъ обрубаетъ для топки печи, то разберетъ какой нибудь старенькой хлѣ-

вушокъ на дворѣ, и разберетъ-то его безъ надобности, да потомъ опять собираетъ....

Скоро мужики пересвѣтовскіе начали какъ-то дичиться Трифона, избѣгали всякихъ разговоровъ съ нимъ, перестали звать его не только на мірскія сходки, но даже на крестины, на свадьбы и на другія пирушки.

— Словно какой «оглашенный» сталъ! — говорили они, разсуждая иной разъ о Трифонѣ,— никуда вишь не ходитъ и въ церкви-то рѣдко бываетъ..., А опрежъ-того былъ совсѣмъ другой человѣкъ: дѣломъ все хотѣлъ заниматься....

— Въ руку, видишь, все ему не шло.

— Да больно ужь затѣйливъ былъ!... оно бы попроще.... анъ и тово....

— И на базары частехонько ѣзжалъ.

— А помнишь? съ Саввушкой-то какія пріятели были!

— Какъ же! какъ же!... Да, малой! подикось, пропалъ вотъ Саввущка, — инда ни слуху, ни духу....

— Да, вѣдь, кажись, передъ самой-то смертью Афимьи, былъ Саввушка у насъ на деревнѣ! Сказываютъ,—у Арины съ Васькой Лимавскимъ пьянствовалъ, а вотъ опосля того словно сквозь землю провалился.

— Поспрошать бы у Трифона: не заходилъ ли къ нему въ тѣ поры!... А то не ночевалъ ли?

— Эва! что его спрашивать? вишь какой онъ сталъ!... словно колдунъ настоящій!

— А и то молвить: кому нужда-то до Савушки?... Ни роду, ни племени у него. Померъ, чай, съ пьяну,—и приняла его просто-на-просто мать-сыра-земля....

О Савельѣ Кондратьичѣ, точно, не было никакихъ разспросовъ и развѣдываній. Онъ былъ безродный, гулящій человѣкъ—и никто не заботился о немъ. Лишь одинъ Трифонъ часто о немъ думывалъ.

Въ странной, но крѣпкой связи представлялись ему смерть и матери, и смерть Саввушки; тайные похороны его въ рѣкѣ, съ камнемъ на шеѣ, и трехдневное, страшное боренье со смертью старухи Афимьи; какой-то тяжкій стонъ въ кустахъ, послѣ похоронъ Саввушки, и неумиримая воля матери, ея послѣднее слово: «прочь!...»

При этихъ воспоминаніяхъ, постоянно, чуть не каждую минуту, грызшихъ его, Трифонъ доходилъ иногда до такого отчаянія, что готовъ бывалъ наложить на себя руки — и наложилъ бы, можетъ-статься, коли бъ не привязывала его къ жизни какая-то горькая жалость, какая-то слѣпая любовь къ полуумному Мишуткѣ. Въ минуты страшной тоски вспоминалъ онъ всегда не про жалкую калѣку дочь свою, не про бѣдныхъ, маленькихъ внучекъ, а именно про Мишутку, который, однако, не показывалъ ему нисколько привязанности.

И съ каждымъ днемъ росло также ожесточеніе Трифона. Онъ совсѣмъ удалился отъ знако-

мыхъ своихъ, пріятелей, родныхъ. Стало невыносимо ему сообщество съ людьми; не взлюбилъ онъ людей отъ всей души....

Разъ, какъ-то, по-зимѣ, былъ онъ на базарѣ въ Боровомъ. Искупивъ себѣ кой-чего для дома, а кой-чего нужнаго и не купивъ по недостачѣ денегъ, онъ возвращался домой, полегоньку плетясь на своей тощей лошадёнкѣ. Ѣхалъ онъ и думалъ все о томъ, къ чему душа его обращалась ежечасно,—думалъ о сынѣ, безвременно умершемъ, о матери, не простившей его передъ концомъ, о Саввушкѣ, безъ покаянія погибшемъ и похороненномъ въ рѣкѣ, можетъ-быть за-живо....

Вдругъ обогналъ его вскачь, зацѣпившись за его сани и чуть не опрокинувъ ихъ, крестьянинъ изъ деревни Загорья, Ларіонъ Максимовъ, извѣстный пьяница и пріятель въ прежнее время Саввушки.

— Эй, Кузька?... разбойникъ!... закричалъ Ларіонъ:—ты, братъ, тово.... право, братъ!... Вотъ вмѣстѣ бы.... ну, я маненько сосну.... а ты ужь тово....

Ларіонъ тотчасъ повалился на сѣно въ саняхъ и крѣпко заснулъ; слышно было, какъ онъ всхрапывалъ. Лошадь его тихо шла по дорогѣ, за нею брела и Трифонова лошадёнка.

И вдругъ овладѣло Трифономъ томительное чувство, до сихъ поръ ему незнакомое; онъ весь дрожалъ, охваченный мрачнымъ, тоскливымъ безпокойствомъ; въ головѣ его шумѣло, какъ отъ

сильнаго угара. Какой-то странный голосъ сталъ нашоптывать ему странныя рѣчи. И невольно, съ тяжкимъ замираніемъ сердца, Трифонъ прислушивался къ этимъ темнымъ рѣчамъ.

«Чтожь ты!... чего смотришь,—объ чемъ еще думаешь?...» говорилъ голосъ: — «онъ не узналъ тебя, Кузькой назвалъ!... Никого нѣтъ ни впереди, ни назади.... снѣгъ порошитъ, глянь, какъ стемнѣло,—никто не увидитъ!... Смотри-кось: тулупъ-то новехонькой.... одинъ рукавъ свѣсился, волочится по снѣгу.... а вонъ и мѣшки.... никто не увидитъ!... не бойся!... скорѣй только!... скорѣй!...»

Самъ не помня уже себя, вылезъ онъ изъ саней своихъ, подошелъ къ санямъ Ларіоновымъ, взялъ тулупъ, взялъ одинъ изъ мѣшковъ.... и, задыхаясь отъ страшнаго волненія, кинулся въ сани, изо всей мочи пріударилъ свою клячонку и ускакалъ стремглавъ домой.

Только подъѣзжая къ Пересвѣтову, опомнился онъ нѣсколько и сдержалъ лошадь. Онъ чувствовалъ страшную головную боль и совершенное изнеможеніе во всемъ тѣлѣ.

Между тѣмъ совсѣмъ уже смерклось; снѣгъ валилъ хлопьями. Темно было на улицѣ, когда Трифонъ взъѣхалъ къ себѣ на дворъ. Съ величайшею заботливостью зарылъ онъ въ сѣно тулупъ и мѣшокъ Ларіоновы и не допустилъ невѣстку взять изъ саней мелкія свои покупки. Ночью, онъ вышелъ потихоньку изъ избы и за-

рылъ украденыя вещи на погребицѣ. Всю эту ночь онъ не спалъ и нѣсколько разъ выходилъ на дворъ и на улицу чего-то посмотрѣть, чего-то послушать....

Но этотъ ребячій страхъ, эта тревога души были не надолго.

Съ того разу стало манить Трифона безпрестанно къ воровству; онъ быстро освоился съ новымъ ремесломъ своимъ и началъ красть смѣло, дерзко, ничѣмъ не стѣсняясь, ничего какъ-будто не страшась. Съ особеннымъ, порывистымъ ожесточеніемъ предавался онъ пороку. Правда, рядомъ съ этимъ ожесточеніемъ, дѣлавшимъ его опаснымъ врагомъ обществу, жила въ немъ неумолчная совѣсть. Ничѣмъ не могъ онъ заглушить ее: голосъ ея часто терзалъ душу его страшными мученіями; но на бѣду, ему уже не доставало силъ духовныхъ для того, чтобы побороть свое ожесточеніе. Горемычный старикъ видѣлъ гибель свою—и легко поддавался ей.

Вокругъ себя онъ не могъ найдти помощь для возстанія....

«Она прокляла меня», думывалъ онъ все о своей матери: «не замолишь.... на томъ свѣтѣ безпремѣнно огонь вѣчный!... Охъ! доля моя пропащая!... А дѣти-то?... Мишутка!... и они, можетъ, погибнутъ....Бѣдность, нужда!... Дай такъ еще поработаю,—хочу покудова пожить вольно!... Они всѣ супротивъ меня... такъ я самъ! ..»

Темная мысль о мщеніи людямъ за какую-то

страшную вину ихъ противъ него безотвязно вертѣлась въ головѣ Трифона и непрестанно подстрекала его на преступленія. Онъ воровалъ, несчастный, не изъ мелкой корысти, а подъ вліяніемъ страстнаго, жгучаго желанія дѣлать зло.

Скоро въ Пересвѣтовѣ замѣтили чѣмъ сталъ промышлять Трифонъ—и всѣ диву дались.

— Эка оказія!... говорили пересвѣтовцы.—Вишь ты: на старости-то вотъ и воровать пустился!

— Диковина, малой!...

— Чего тутъ диковина!.... вѣдь, чай, знаешь, каковъ человѣкъ? мать, при смерти, прокляла!...

— А и то: вѣдь онъ, разбойникъ, бивалъ ее, сердешную.

— Слышь, ребята: какъ бы и у насъ не сталъ приворовывать?.... Что тогда дѣлать-то?...

— Да что?... А барину можно...

— Эка!... барину!... ну, что онъ сдѣлаетъ?...

— Авось, малой, и не станетъ насъ забиждать...

Пересвѣтовцы, послѣ такого совѣщанія, стали обходиться съ Трифономъ очень осторожно. Встрѣчаясь съ нимъ, они не очень-то пускались въ разговоры, зато всегда ласково кланялись, по имени и отчеству называли. Бабы же боялись его, какъ огня. Онѣ колдуномъ его считали и разсказывали про него странныя вещи: будто, напримѣръ, въ дому его, по ночамъ, сосѣди слыхали громкіе голоса, а въ полуночную пору видали самаго Трифона бродящимъ вокругъ двора. Грозной таинственностью стала облекаться въ глазахъ народа

личность Трифона. И онъ самъ старался усилить въ народѣ боязнь къ себѣ, признаки которой подмѣтилъ. Въ позднее ночное время, бродилъ онъ иногда вокругъ двора своего, пугая собакъ и заставляя ихъ выть.

Между тѣмъ онъ занялся своимъ новымъ промысломъ такъ хорошо, какъ будто весь вѣкъ имъ занимался: умъ его, всегда искавшій дѣятельности, теперь опять усильно работалъ. Трифонъ зналъ, что «одинъ въ полѣ—не воинъ», что «одному и у каши не споро» — поэтому онъ завелъ знакомство съ самыми ловкими ворами изъ неблизкихъ деревень и часто принималъ ихъ къ себѣ, никогда однако не позволяя имъ пьянствовать въ своемъ домѣ. Вообще онъ хотѣлъ быть воромъ не на мелкую руку, — зато въ два-три года и прославился во всемъ околоткѣ.

Но все, что добывалось воровствомъ, не впрокъ шло ему, да онъ и не старался, чтобъ былъ прокъ. Малую часть изъ воровской добычи онъ употреблялъ на необходимый въ дому обиходъ, другую часть, побольше, — на покупку гостинцевъ для внучекъ да красныхъ рубахъ и нарядныхъ кафтановъ для Мишутки, затѣмъ все остальное изъ этой добычи шло на пьянство, хотя оно было и не по душѣ ему. Съ тяжелымъ принужденіемъ принимался онъ за чарку и почти никогда не пьянѣлъ, сколько бы ни выпилъ. Онъ пилъ потому лишь, что во время пьянства заглушались его черныя мысли и упреки совѣсти, да память тупѣла.

Кстати сказать здѣсь, что Трифонъ былъ очень счастливъ въ воровствѣ: почти всякой замыселъ его былъ удаченъ да притомъ никогда и ни въ чемъ онъ не попадался.

И мало было ему—воровать съ товарищами, изстари знакомыми съ опаснымъ промысломъ,— что-то, подзывало его къ тому, чтобы привлекать на свою сторону людей свѣжихъ, непричастныхъ еще пороку. Такъ, въ сосѣднемъ селѣ Моховѣ сдѣлалъ онъ ворами двухъ мужиковъ и въ самомъ Пересвѣтовѣ научилъ воровству молодаго парня, лѣтъ двадцати, Езыканку (*).

Езыканка былъ малый простой, чуть не до глупости. Семья у него была огромная: мать съ шестью малолѣтными сестрами и братьями, и онъ —одинъ работникъ на всю семью.

Разъ, и сказалъ ему Трифонъ:

— Эхъ ты, малый—простота! пришелъ бы ко мнѣ да поклонился,—а я сказалъ бы такое словцо... научилъ бы тебя уму-разуму.

И точно, черезъ нѣсколько времени, онъ научилъ Езыканку уму-разуму по-свойски: малый сталъ воромъ притоманнымъ и чрезвычайно преданнымъ Трифону человѣкомъ. Въ послѣднюю бесѣду свою съ Езыканкой, послѣ которой парень этотъ всей душой ему покорился, вотъ что толковалъ Трифонъ:

(*) Іезекіиль.

— Ты, малый, губы-то не распускай, живучи на свѣтѣ!... Вотъ ты таперпча скуденъ и малосиленъ, а помогъ-ли тебѣ кто?... Ни, ни! не моги и подумать о помощи!... помогай же самъ себѣ!... Глянь,—мужики въ Загорьѣ—богачи какіе! а подико-сь попроси у нихъ малую бездѣлицу на разживу—ни за что не дадутъ! А коли и дадутъ, такъ запрягутъ тебя въ неволю-работу, пуще лошади, загоняютъ до смерти, обочтутъ, обокрадутъ, наругаются.... Нѣтъ! эдакъ-то лучше будетъ: подъ темную ночку поудить у нихъ по клѣтямъ.... ну, лошадки важныя у нихъ тоже,—да мало-ль что!... Надо только умненько дѣло дѣлать.

Не въ одномъ Пересвѣтовѣ боялись Трифона; боялись его особенно въ Загорьѣ, на которое онъ всего чаще нападалъ; всѣ его боялись—и только одинъ молодой парень, Иванъ Головачъ клялся-божился, что нисколько не боится Трифона, что рано-ли, поздно-ли, а изведетъ онъ его, разбойника.

Но Трифонъ, до котораго доходили эти похвальбы и угрозы Головача, ничего не опасался. Онъ могъ страшиться лишь самаго себя.

Какъ ни занятъ былъ умъ его замыслами новыхъ кражъ,—но тоска душевная не умалялась. Сна у него почти не было; высохъ онъ, какъ кощей; глаза ввалились; черные круги обвели ихъ и придавали имъ страшное выраженіе. Иной

разъ вспадали ему на мысль мрачныя представленія о пожарахъ, въ которыхъ горѣли и съ громомъ падали большіе дома, о мертвецахъ съ перерѣзанными горлами....

Уже начинало манить его на большое зло....

IX.

Разъ, въ концѣ декабря 1849 года, Иванъ Данилычъ Одоньевъ получилъ отъ своего пересвѣтовскаго старосты Потапа Максимова слѣдующее донесеніе:

«Ваше высокоблагородіе, милостивые наши отцы и покровители, Иванъ Данилычъ и Катерина Николавна. Заочно вашей милости кланяюсь. При семъ посылаю за крещенскій срокъ оброку, всего 981 руб. 50 коп., по «ересту» съ кого сколько. А Семенъ отказывается, говоритъ: денегъ нѣту, взять теперича негдѣ, проситъ обождать до вешней первой путины (*), а Василій Павловъ самъ отдастъ, какъ поѣдетъ изъ Астрахани съ рыбой;

(*) Время, когда крестьяне прирѣчныхъ селъ нанимаются въ коноводы къ баркамъ.

Ѳедоръ уѣхалъ прежде къ вашей милости. Еще осмѣлюсь доложить, ваше высокоблагородіе Иванъ Данилычъ, а у насъ въ вотчинѣ не вовсе благополучно; вотъ на одной недѣлѣ въ-третьи пріѣзжаютъ съ обыскомъ въ деревню, къ Трифону Аѳанасьеву. Какъ вашей милости угодно, воля ваша, — а намъ житья нѣту, боимся, какъ бы всѣмъ не быть въ отвѣтѣ. Онамеднись самъ становой былъ, говоритъ: «худо, дескать, всю вотчину порочитъ.» А писарь становаго—такъ лается: «вы, молъ, всѣ потатчики.» А обыскивали изъ Загорья. Ничего тутъ и не подѣлаешь! А Костянтинъ при всемъ мірѣ и меня обругалъ, говоритъ, что я—точно потатчикъ, вашей милости не доношу. Ужь тутъ мы, батюшка, всѣ, какъ есть, пропадаемъ. У Трифона синя-пороха не нашли, а слава про него больно худая. Вашъ слуга староста Потапъ Матвѣевъ.»

Прочитавъ вслухъ это донесеніе ровнымъ и повидимому спокойнымъ тономъ, баринъ всталъ съ креселъ, вытянулъ правую руку, въ которой было донесеніе, для какого-то, вѣроятно, грознаго жеста,—потомъ тотчасъ же опять сѣлъ. Лицо его сильно покраснѣло; на лбу явственнѣе обозначились ломанныя морщины: въ темно-сѣрыхъ глазахъ ярко блеснулъ огонь гнѣва. Но баринъ видимо хотѣлъ сдержать себя. Черезъ нѣсколько минутъ онъ опять всталъ, началъ ходить по комнатѣ и скоро, казалось, опять успокоился.

Барыня была тутъ же и слышала посланіе ста-

росты. Замѣтивъ, по лицу и по движеніямъ мужа, признаки гнѣвной вспышки, она покинула свою работу и тревожно глядѣла на него.

Иванъ Данилычъ первый заговорилъ о донесеніи:

Вотъ, Катя, разсердило-было меня письмо Потапа.... Мерзавецъ Трифонъ! воромъ, на старости лѣтъ, сдѣлался!... А я-то еще жалѣлъ о немъ, старался облегчить его положеніе!... Ну, я-жь его проучу! Вотъ на дняхъ же нарочно поѣду...

— Но, мой другъ, возразила Катерина Николаевна: зачѣмъ же тебѣ самому ѣздить? Да и къ чему тутъ личныя распоряженія? По моему, лучше удалить его изъ Пересвѣтова,—вѣдь наказаніемъ его не исправишь.... Да и онъ—старикъ... Нельзя ли сослать его, — чтобы онъ не портилъ всего имѣнія?

— Э, ты ничего не знаешь!... Не учи меня, что дѣлать... отвѣчалъ онъ сердито и вышелъ изъ комнаты.

Считаю нужнымъ покороче познакомить читателей съ Одоньевымъ.

Ему тогда было лѣтъ тридцать съ чѣмъ-нибудь. Онъ былъ малаго роста, толстъ и неуклюжъ. Его круглое, красноватое лицо, вся невзрачная его фигура, почти всегда производили непріятное впечатлѣніе. Во всей физіономіи его, несмотря на разнообразную, какую-то летучую ея подвижность , было что-то жосткое. Черты же его духовной натуры Одоньева отражались

на лицѣ его такъ смутно, что безъ особенно-короткаго знакомства съ нимъ, трудно было, по одному наружному его виду, вывести вѣрное заключеніе даже о такихъ общихъ свойствахъ: добръ или недобръ онъ, уменъ или неуменъ.

Нельзя сказать, однако, чтобы духовныя его свойства были неуловимо-мелки; напротивъ, въ сущности, онѣ были, рѣзки и крупны, но онѣ выражались въ дѣйствіяхъ какъ-то перепутанно, даже хаотично. Онъ былъ впечатлителенъ донельзя, пылокъ, порывистъ; подчасъ онъ бывалъ дѣятеленъ, но безъ толку, а всего чаще лѣнь одолѣвала его, впрочемъ, оттого больше, что ему казалась безподною всякая его дѣятельность. Черезчуръ свободное и раннее развитіе его способностей дало имъ направленіе неравномѣрное, отъ этого въ умѣ его, въ характерѣ, въ чувствахъ была бездна самыхъ разнообразныхъ, самыхъ противупопожныхъ оттѣнковъ. Онъ былъ очень добръ, но доброта его была какъ-то безцѣльна, а главное—она не имѣла въ себѣ достаточно силы, чтобы стать твердымъ основаніемъ всѣхъ его дѣйствій.

Его подвижная натура доступна была, чуть не на каждомъ шагу, вліянію другихъ, — хоть онъ и дичился постоянно дюдей постороннихъ, недовѣряя имъ и опасаясь ихъ, хоть и не обладалъ онъ терпимостью къ людямъ, особенно потому, что сильно ненавидѣлъ въ нихъ собственные свои недостатки и пороки. И точно: онъ безпре-

станно покарялся вліянію не только разныхъ лицъ, но и разныхъ обстоятельствъ,—а на бѣду, вліяніе это, большею частію, выходило вредное, потому что сбивало съ толку добрыя его наклонности. Вообще г. Одоньевъ не умѣлъ управлять ни собою, ни своими дѣлами.

Дѣла его были въ разстроенномъ положеніи. Всѣ безпорядки, какіе существовали по управленію въ его имѣніи еще прежде него, держались крѣпко и при немъ. Были въ этомъ имѣніи мѣстныя выгоды, которыми онъ, и зная про нихъ, все-таки не умѣлъ воспользоваться; были у него тяжбы, тяжелыя, безпокойныя и убыточныя, которыхъ онъ не умѣлъ ни вести, ни покончить.

Имѣніе его состояло на оброкѣ. Оброкъ этотъ былъ очень легокъ; но крестьяне часто платили его неисправно, хотя по зажиточности своей имѣли полную возможность быть исправными. Одоньевъ, постоянно нуждавшійся въ деньгахъ, крайне гнѣвался на нихъ за это, а все не могъ заставить ихъ платить, какъ слѣдуетъ. Крестьяне сельца Пересвѣтова нисколько не боялись гнѣвныхъ выходокъ своего барина, выражавшихся, впрочемъ, лишь въ сильныхъ бранныхъ словахъ да въ грозныхъ приказахъ къ старостѣ. Они даже любили Ивана Данилыча за кроткое его обращеніе, за правдивость его, за самую безпечность въ управленіи ими, за то наконецъ, что онъ не походилъ на сосѣднихъ, крѣпко занимавшихся «хозяйствомъ», помѣщиковъ, которые очень не жаловали его.

— «Пустой человѣкъ Иванъ Данилычъ! говаривали эти помѣщики:—взгляните, какъ перебаловалъ крестьянъ своихъ,—просто ни на что не похоже!... Вредный даже примѣръ подаетъ въ въ уѣздѣ!... А что бы можно сдѣлать изъ его Пересвѣтова! вѣдь это имѣніе, въ хорошихъ рукахъ, — золотое дно.... Ну, да авось продавать будутъ,—обстоятельства его куда-тонки!....

X.

Однако, баринъ нашъ, несмотря на то, что сильно разгнѣвался на Трифона Аѳанасьева, не скоро распорядился. Правда, въ отвѣтѣ своемъ на донесеніе старосты Потапа, онъ цѣлую страницу исписалъ о Трифонѣ и имя его всякой разъ упоминалъ съ какимъ нибудь браннымъ прилагательнымъ; но все-таки на страницѣ этой ничего положительнаго не было, а были все лишь такія фразы: «ты ему, негодяю, скажи на сходкѣ», «ты строго на строго объяви, моимъ именемъ, что я его не пощажу....» «ты, главное, растолкуй ему, что мнѣ, его барину, всѣ его мерзкія плутни и воровства хорошо извѣстны....» «ты и самъ, смотри, у меня, не давай нисколько воли и потачки ему, старому мошеннику....» Кромѣ того, всякій разъ, какъ пріѣзжали къ Ивану Данилычу

за чѣмъ нибудь крестьяне изъ Пересвѣтова, онъ по-долгу распрашивалъ чуть не каждаго мужика о Трифонѣ и всегда наказывалъ, при этой вѣрной оказіи, къ старостѣ и ко всему пересвѣтовскому міру, «что, дескать, о Трифонѣ-мошенникѣ баринъ непремѣнно и скорёхонько сдѣлаетъ особенное строжайшее распоряженіе.»

Но проходили недѣли, мѣсяцы — и все оставалось по старому.

А Трифонъ Аѳанасьевъ, видно, не очень боялся заглазнаго гнѣва барина: нисколько не унимался онъ отъ воровства и продолжалъ ловко и бойко, не хуже молодаго вора, промышлять по сторонамъ. Въ теченіе зимы, послѣдовавшей за донесеніемъ Потапа Матвѣева, три раза являлись изъ Загорья съ обыскомъ къ Трифону и хотя опять ничего не нашли, однако, въ Загорьѣ, въ самомъ Пересвѣтовѣ и во всемъ околоткѣ мужики были твердо убѣждены, что въ трехъ покражахъ, по которымъ дѣлались обыски, приложилъ тяжелую руку свою не кто другой, а именно Трифонъ Аѳанасьевъ.

Прошла зима, настала пора вешнихъ сельскихъ работъ, и вдругъ, въ началѣ мая, явился къ Ивану Данилычу староста его Потапъ. Онъ пріѣхалъ лично доложить барину о самой свѣжей, самой мудреной продѣлкѣ Трифона.

— Что ты, Потапъ? за чѣмъ это пріѣхалъ? спросилъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ Иванъ Данилычъ своего тяжелаго на подъемъ старосту,

который изъ-за всего, бывало, всупалъ, съ бариномъ въ дипломатическія сношенія.

— А вотъ, батюшка Иванъ Данилычъ, отвѣчалъ Потапъ:—насчетъ это Трифона, міръ къ вашей милости прислалъ....

— Что тамъ еще?

— Да ужь власть ваша,—а меня извольте изъ старостъ выставить, увольте, батюшка!...Мочи моей не стало, такіе, т. е. порядки пошли.... Костянтинъ поѣдомъ-ѣстъ, а все изъ-за Трифона, вишь, онъ сватъ мнѣ доводится, такъ глаза все этимъ и колетъ, говоритъ: «потакаешь Тришкѣ», а мнѣ какъ можно ему потакать?... Да теперича Костянтинъ и міръ-то весь замутилъ; всѣ мужички урекаютъ меня теперича Тришкою воромъ. Ужь вы, Иванъ Данилычъ, батюшка, явите божескую милость, ослобоните меня изъ старостъ!... А я передъ вашей милостью и передъ міромъ ничѣмъ, какъ есть, не причиненъ.

— Ахъ ты, Господи! сказалъ баринъ съ сердцемъ: — вотъ съ три короба намололъ, а ничего и разобрать нельзя! Ты мнѣ толкомъ скажи въ чемъ дѣло-то,—право, олухъ настоящій!

— Да въ чемъ дѣло-то? отвѣчалъ староста,— знамо, все изъ Трифона, міръ теперича меня послалъ. Вотъ я, по зимѣ, три раза вашей милости отписывалъ, что къ Трифону съ обыскомъ приходили....

— Ну, писалъ ты.... Изъ Загорья всѣ три раза обыскивали?...

— Изъ Загорья.

— Я и сдѣлаю распоряженіе.... А теперь-то? спросилъ баринъ нѣсколько робко, нѣтъ ли еще чего нибудь новаго?...

— А какъ же, батюшка!... есть....

— Такъ разсказывай же!...

— Да вотъ, батюшка, у Зота Гордѣича въ Загорьѣ быка увели и надо быть — Трифоново дѣльцо, да никакъ пособлялъ ему въ этомъ Езыканка.

— Ахъ, разбойникъ! вскричалъ Одоньевъ съ величайшимъ негодованіемъ,—самъ, старый чортъ, воромъ сдѣлался — да и другихъ съ пути сбиваетъ!...

— Точно, батюшка!... ужь и не знаемъ мы, что и дѣлать-то; всѣ, какъ есть, теперича пропадаемъ изъ-за него, разбойника!...

— Ну, ну! дальше....

— Ну, и украли, продолжалъ Потапъ Матвѣевъ, съ особеннымъ какимъ-то ожесточеніемъ размахивая руками:—да и какъ важно украли-то, батюшка Иванъ Данилычъ: въ сапоги быка обули, чтобы слѣду животины не видать было!—такъ и свели быка.

— Значитъ,—поймали ихъ?... уличили?...

— Нѣту, гдѣ ихъ поймать; ужь такіе-то воры темные, что на-поди!... Такъ въ народѣ только проговариваютъ, что,—надо-быть,—быка въ сапоги обули, вѣдь мокреть передъ этимъ была, а слѣдовъ-то бычьихъ не нашли....

— Слѣдствіе было?

— Какъ же, и слѣдствіе наводи и,—становой пріѣзжалъ, по всей деревнѣ обыски дѣлали, насъ всѣхъ къ допросу пригоняли, ужь маяли, маяли.... изъ того больше и міръ зло взяло.

— Ну, а что Трифонъ и Езыканка?

— Да ихъ долго все допрашивали, а тамъ и въ станъ раза два гоняли—и то ничего!... Трифонъ, какъ есть, оправдался; Зотъ Гордѣичъ малоль хлопоталъ, чтобы его въ острогъ посадить, да нѣтъ! становой говоритъ: «никакъ нельзя, уликъ никакихъ нѣту....» А вотъ Езыканка — такъ онъ разбился въ рѣчахъ: теперича въ стану его держатъ: писарь становаго Семенъ Дорофѣичъ мнѣ проговаривалъ—никакъ въ острогъ угодитъ Езыканка.... а на Трифона онъ ничего не показываетъ. На Езыканку стало подозрѣніе изъ того больше, что лошадь его больно перепала: слухи есть, что они проводили быка въ сосѣдній уѣздъ, въ Сысоевку, гдѣ ужь испоконъ-вѣку воры, да на лошади-то Езыканкиной до-свѣту домой и поспѣли—вотъ она и перепала.

— Ну, а самъ ты допрашивалъ Трифона?... Ты бы его отъ моего имени на сходкѣ....

— А что его допрашивать? Развѣ онъ какія рѣчи принимаетъ? Слова-то ему, какъ къ стѣнѣ горохъ.... Какъ стали у насъ изъ-за него обыски дѣлать да къ допросу всѣхъ таскать, въ тѣ-поры малоль всѣмъ міромъ на рѣчахъ его тазали! Да ничего съ нимъ не подѣлаешь....

— Чтожь онъ говоритъ?

— Да что, батюшка Иванъ Данилычъ? говоритъ онъ, что, дескать, знать не знаю, вѣдать не вѣдаю.... А какъ больно приставать къ нему стали, такъ онъ, охаверникъ эдакой, лаяться началъ, хуже—прости Господи — всякой злой собаки.... сожжетъ, боимся!...

— А ты бы ему мной пригрозилъ....

— И, батюшка, онъ вашу милость и въ грошъ не ставитъ.

— Вотъ ты дуракъ какой!... ну , какъ-таки онъ смѣетъ?...

— Да ужь вы не взыщите на простомъ словѣ. Онъ, допрежь того, что̀, бывало, говаривалъ? «А что мнѣ баринъ? Я его, махонькаго, изъ хохлацкой земли привезъ....» Не обезсудьте, батюшка, вѣдь это онъ такъ-то похваляется.

— Экая шельма! промолвилъ Одоньевъ.

— Ну, да теперича, продолжалъ староста,— онъ много тише сталъ; сумлѣваться, кажись, началъ. Вотъ, онамеднись, мать Езыканкина, Афросинья,—ужь какъ она, сердешная, по сынѣ убивается!—встрѣла на улицу Тришку, встрѣла да и стала его упрекать, что сына ея воромъ сдѣлалъ, загубилъ, а сама такъ и заливается слезами!... А онъ уставился эдакъ-то въ землю, уставился, а ничего насупротивъ не сказалъ да и прочь пошелъ, молча.... Вотъ съ этого разу много тише сталъ, словно сумлѣваться началъ....

Подъ конецъ этого разговора Иванъ Данилычъ

разгнѣвался чрезвычайно. Досталось и старостѣ Потапу за то, что онъ, «мошенникъ тоже», не исполняетъ въ точности какихъ-то приказанiй барскихъ и не печется о порядкѣ въ вотчинѣ. Но гнѣвъ этотъ на старостѣ и оборвался. Правда, Одоньевъ рѣшился принять непремѣнно «самыя дѣйствительныя» мѣры въ отношенiи Трифона; но опять никакихъ распоряженiй покуда не сдѣлалъ и Потапа отпустилъ безъ всякого приказа.

Прошло еще недѣли двѣ-три, Езыканку перевели, по хлопотамъ Зота Гордѣича, въ острогъ, и староста Потапъ, не рѣшаясь уже на личный докладъ, донесъ объ этомъ барину письменно. Гнѣвъ Ивана Данилыча поневолѣ долженъ былъ обратиться на настоящаго виновнаго. Къ тому же, мать Езыканкина пришла къ Одоньеву «просить милости», чтобы заступился за ея сына и выручилъ его изъ острога. Съ горькими слезами жаловалась она на Трифона.

— Батюшка! вопила она: — онъ, разбойникъ, загубилъ моего Езыканку!... А малый, допрежь того, смиренный былъ, — малаго ребенка николи не обидѣлъ!... Родимый ты нашъ! смилуйся надъ нами, сиротами горькими!... Батюшка! ни въ чемъ-то мы не виновны!... Тришка злодѣй, душегубецъ!... Езыканку онъ загубилъ!... Всѣ-то мы теперича осиротѣли,—семеро насъ!... одинъ былъ работникъ на всю семью, батюшка!...

Жалобныя рѣчи и горькiя слезы Афросиньи наконецъ подѣйствовали рѣшительно на Ивана

Данилыча: онъ тотчасъ же собрался ѣхать въ деревню и, не смотря на возраженія Катерины Николавны, убѣждавшей его опять отложить поѣздку на нѣкоторое время, отправился въ путь. Дорогою онъ всячески поддавалъ себѣ жару и кипятился страшно, совершенно забывая, что въ лѣтнее жаркое время никакъ не годилось бы, ему толстому увальню, кипятиться.

XI.

Иванъ Данилычъ пріѣхалъ въ сельцо Пересвѣтово чрезмѣрно гнѣвный, не на шутку грозный: придрался онъ къ старостѣ и разбранилъ его въ пухъ за то, что господскій флигель нечисто содержанъ и нисколько не готовъ для пріема владѣльца имѣнія; оттаскалъ за вихоръ мальчишку-садовника изъ-за какой-то бездѣлицы; прогналъ отъ себя скотницу Мавру, затопавъ на нее изо всей мочи ногами, «словно какой оглашенный!», какъ потихоньку разсказывала потомъ Мавра; объявилъ съ великимъ азартомъ всѣмъ мужикамъ-домохозяевамъ, которые, по обыкновенію, собрались на встрѣчу и на поклонъ барину, что онъ ихъ, мошенниковъ, черезчуръ ужь избаловалъ, а теперь не намѣренъ баловать и никакихъ безпорядковъ больше не потерпитъ; и наконецъ гро-

могласно приказалъ позвать къ себѣ «бездѣльника, вора, разбойника Тришку» — такъ-таки и назвалъ онъ его тутъ же.

Трифоновъ дворъ былъ неподалеку отъ флигеля, гдѣ такъ грозно распоряжался баринъ, и Трифонъ явился скорёхонько, «какъ листъ передъ травой», именно какъ листъ, потому что онъ дрожалъ всѣми членами.

Надо сказать здѣсь, что гнѣвъ барскій врасплохъ засталъ стараго грѣшника.

Еще до первой жалобы на него старосты Потапа, въ письмѣ къ барину, онъ уже нерѣдко уставалъ отъ воровской жизни и впадалъ въ какое-то безсиліе: мысль его попрежнему часто стремилась къ грѣшнымъ дѣламъ, но не всегда доставало воли его не совершеніе ихъ; а чаще овладѣвали имъ прежнія скорбныя и страшныя воспоминанія о сынѣ, о гибели труда своего, о матери, о Саввушкѣ,—воспоминанія, подавленныя передъ тѣмъ разнообразными впечатлѣніями воровскаго промысла и безотчетною печалью, но теперь надрывавшія въ немъ всѣ силы душевныя, всѣ силы на зло и добро. Только, послѣ жалобъ на него барину, энергія его пробудилась, и онъ, не страшась ни гнѣва барскаго, ни уреканій старосты и всего міра, напротивъ раздражаемый этой борьбою, принялся вновь за воровство, принялся ловко и бойко, не хуже молодаго вора. Но съ самаго посаженія Езыканки въ тюрьму, душа его заныла страшной тоскою. Онъ горевалъ объ Езы-

канкѣ, какъ будто потерялъ послѣдняго сына, послѣднюю опору и надежду въ жизни. Совѣсть громко и непрестанно твердила ему, что онъ былъ причиною несчастія простоватаго парня, причиною нищенства и бѣдствія его семьи. Съ великимъ ужасомъ, созналь онъ, что, кромѣ матери, сына, семейныхъ своихъ и бѣднаго Саввушки, еще погубилъ человѣка.

Идя теперь на барскій дворъ, Трифонъ былъ проникнутъ тяжелымъ ужасомъ. Ноги у него подкашивались; онъ брёлъ медленно и неровной поступью.

Это былъ мужикъ высокаго роста, худощавый и сгорбленный. Темноцвѣтныя, впалыя щоки его были покрыты рѣдкими, сѣдыми волосами; жидкая бородка торчала клиномъ; черные съ просѣдью волоса падали длинными прядями съ головы, закрывая лобъ и отчасти глаза. Онъ былъ одѣтъ бѣдно, въ полинявшей, ветхой свиткѣ.

Когда онъ былъ уже на половинѣ барскаго двора, Иванъ Данилычь выглянулъ изъ окна.

— Ну, ну! закричалъ онъ: — скорѣй, разбойникъ!... Ахъ ты!...

Но Трифонъ не ускорилъ шагу и головы не приподнялъ.

Переступая черезъ порогъ флигеля, онъ запнулся, пошатнулся, словно пьяный, на мгновеніе оперся о притолку, потомъ, чуть не бѣгомъ, прямо безъ зова, вошелъ въ ту комнату, гдѣ былъ Иванъ Данилычъ, и низёхонько поклонился онъ барину,

отирая лѣвымъ рукавомъ крупный потъ, катившійся со лба. При этомъ онъ откинулъ пряди волосъ, набѣгавшія ему на глаза, и черты лица его совсѣмъ открылись. Трифонъ былъ старикъ, съ виду слабый и дряхлый. Высокій лобъ его былъ изрѣзанъ глубокими, ломанными морщинами; его глаза, обведенные черными кругами, глядѣли необыкновенно робко и тревожно перебѣгали съ предмета на предметъ, ни на одномъ не останавливаясь. Брови его были напряженно приподняты и сдвинуты; а губы нѣсколько раскрыты, какъ будто въ ту же минуту сбирался онъ заговорить; жиденькая бородка его замѣтно тряслась. Во всемъ лицѣ, во всей осанкѣ его, выражался рѣзкими чертами совершенный упадокъ духа.

Жалкій видъ старика мгновенно поразилъ Одоньева, и онъ никакъ не могъ собраться съ духомъ задать ему, на первыхъ же порахъ, славный окрикъ, такой окрикъ, на который баринъ нашъ былъ великій мастеръ,—благо судьба одарила его широкою грудью и звонкимъ голосомъ. Мало того, что не могъ крикнуть, Иванъ Данилычъ почувствовалъ, что весь гнѣвъ его улетучивается, что въ душу его проникаетъ какая-то странная жалость къ этому такъ оробѣвшему старику.

Съ минуту, молча и пристально смотрѣлъ онъ на Трифона, а этотъ бѣднякъ стоялъ, посреди комнаты, сгорбившись, бродя вокругъ отупѣлымъ, безсмысленнымъ взоромъ, и вздрагивая по временамъ всѣмъ тѣломъ, какъ будто на ту пору му-

чила его самая злая изъ всѣхъ сорока сестеръ-лихоманокъ.

— Ну, такъ какъ же, Трифонъ?... сказалъ наконецъ баринъ не громкимъ голосомъ, выраженію котораго, впрочемъ, онъ старался придать особенную суровость:—ну, такъ какъ же?... Чтожь мнѣ съ тобой дѣлать теперь?... а?...

— Батюшка.... началъ-было дрожащимъ голосомъ Трифонъ, волненіе котораго, казалось, еще болѣе усилилось.

— Да что «батюшка?...» какой я тебѣ «батюшка?...» прервалъ Одоньевъ:—ты самъ скажи, что мнѣ съ тобой дѣлать теперь....

Но Трифонъ молчалъ.

— Какъ!... заговорилъ опять Иванъ Данилычъ, шибко расхаживая по комнатѣ:—какъ!... Господи Боже мой!... на старости лѣтъ, передъ смертью, наканунѣ, можетъ, смерти, воромъ гнуснымъ сдѣлался!... шестидесятый годъ пошелъ,—я нарочно по ревизской сказкѣ справился.... Да мало того, что самъ воръ, молодыхъ парней еще съ пути сбиваешь!... Езыканка-то въ острогъ попалъ!... Афросинья да шестеро малыхъ ребятъ круглыми сиротами опять остались!... А кто ихъ осиротилъ, пустилъ по міру? кто погубилъ простаго и, можетъ, добраго парня? Ты, старый воръ! ты, воръ проклятый!... Да ты все имѣніе у меня, эдакъ, можешь погубить!... міръ-то что отъ тебя, вора, выноситъ?... За что обыски у невиноватыхъ людей дѣлаютъ, къ допросамъ таскаютъ, отрываютъ отъ

дѣла?... За что на цѣлой деревнѣ лежитъ слава худая?... Да чтожь ты думаешь: могу я терпѣть, чтобы всѣ изъ-за тебя погибали?... Ну, говори же!...

— Батюшка.... залепеталъ Трифонъ,—синя пороха.... на деревнѣ.... не пропало....

— Ахъ ты, разбойникъ!... такъ ты еще считаешь благодѣяніемъ съ своей стороны, что у своихъ не воруешь?... Да знаешь ли ты? — продолжалъ Одоньевъ протяжно, подойдя къ Трифону вплоть, и положивъ руку на его вздрагивавшее плечо:—да знаешь ли, — что если бъ ты принялся воровать у своихъ и они тебя своимъ судомъ разсудили бы да подъ ночку-потемнѣе— сбыли бы съ рукъ, прибрали подальше,.. я.... коли бъ и навѣрное узналъ, что съ тобою сдѣлали,—я бы рукой махнулъ и сказалъ бы только: «собакѣ собачья смерть!...» Повѣрь, я бы не выдалъ изъ-за тебя, вора гнуснаго, тѣхъ, кто раздѣлался бы съ тобою!...

Жестокія сло́ва эти Иванъ Данилычъ сказалъ порывисто и, конечно, необдуманно. Невольно дрожь пробѣжала у него между плечь; онъ замолчалъ, отошелъ къ окну и призадумался. Гнѣвный порывъ противъ Трифона вновь погасъ въ душѣ его — и на этотъ разъ погасъ совсѣмъ. Между тѣмъ Трифонъ стоялъ ни живъ, ни мертвъ.

— Слушай, — продолжалъ Одоньевъ уже довольно спокойно:—слушай хорошо; я помню тебя давно, — давно знаю, что ты за человѣкъ. Ты

былъ всегда неуживчивъ съ людьми.... но это еще что?... ты мать не почиталъ, негодяй!... старуха была кропотливая и малоумная, да вѣдь мать же!... Помнишь, нечестивую руку свою ты осмѣлился поднять на нее?... помнишь это? Ну, что — скажи, простила она тебя?... простила и благословила?...

Старикъ молчалъ, упорно уставивъ взоръ въ землю. Рѣдкія слезы катились изъ глазъ его.

— А, не отвѣчаешь!... сказалъ опять Иванъ Данилычъ.—Знаю, что она не хотѣла благословить тебя, умерла, не простивши!... И посмотри, что вышло: ты былъ крестьяниномъ довольно зажиточнымъ, а сталъ бобылемъ и бобылемъ останешься, вѣдь воровство не поможетъ, на него не разживешься.... Сынъ твой, на котораго ты много надѣялся, въ молодыхъ годахъ умеръ да оставилъ двухъ дѣтей малыхъ, лишнюю обузу для семьи; другой сынъ—не въ помочь, а въ тягость; дочь—калѣка; жена умерла.... Видишь ли, какъ Господь наказуетъ тебя за грѣхи? А ты святую руку Его и не почувствовалъ?... Богъ ждалъ отъ тебя раскаянія, а ты раскаялся ли?... Нехристь ты настоящій!... Знаешь, почему ты, подъ старость воромъ сдѣлался? мать тебя не простила и прокляла,—Богъ покаралъ и отступился!... И прикоснулся къ мысли твоей, къ душѣ твоей, ко всѣмъ дѣламъ твоимъ самъ дьяволъ.... онъ тебя осѣтилъ—и, наканунѣ смерти, ты сталъ его вѣрнымъ слугою!...

Слова эти, какъ громовый ударъ, поразили Трифона. Онъ упалъ, рыдая въ голосъ, какъ женщина надъ гробомъ любимаго дѣтища. Долго лежалъ онъ и не могъ слова вымолвить. Тоска душевная отзывалась во всемъ: въ громкихъ рыданіяхъ, тяжело приподнимавшихъ его старое тѣло, въ глухихъ вздохахъ, въ безсильѣ встать съ полу. Невольно прошибла слеза и Одоньева. Душа его была умягчена совершенно, не оставалось въ ней и тѣни гнѣва; напротивъ, она смущена была трепетнымъ чувствомъ состраданія къ несчастному старику.

Онъ приподнялъ его. Старикъ стоялъ, шатаясь, какъ пьяный, съ смертной блѣдностью на лицѣ, съ помертвѣлымъ взоромъ, съ полураскрытымъ ртомъ.

— Полно, Трифонъ.... промолвилъ Одоньевъ тихимъ голосомъ. Да проститъ тебя Господь, да проститъ тебѣ всѣ грѣхи твои.... а я прощаю тебя!... Не бойся, ничего тебѣ не сдѣлаю,—Богъ тебѣ судья; ступай домой, не бойся!... Вѣдь ты не станешь больше воровать? не станешь, скажи мнѣ?.,. Трифонъ! къ клятвамъ не приневоливаю тебя, скажи только, просто, — не станешь воровать?...

Старикъ проподнялъ качавшуюся голову, взглянулъ на образа, перекрестился дрожащей рукою и прошепталъ:

— Не стану....

— Вѣрю!... ничего мнѣ больше не надо. Да

укрѣпитъ тебя Богъ великой милостью своею!... Ступай домой!... Молись!... Милость Божья велика!...

И Трифонъ вышелъ не твердыми шагами. Опустивъ голову, тихо плача и тяжко вздыхая, побрелъ онъ домой....

Этимъ рѣшеніемъ Ивана Данилыча очень не довольны остались мужички пересвѣтовскіе. Они надѣялись было, что баринъ по крайней мѣрѣ подвергнетъ Трифона тяжелому тѣлесному наказанію.

— Вотъ ужь разсудилъ! говорили они,—смотри, малый, вотъ таперича-то начнетъ Тришка разбойничать!...

А что если бы сосѣдніе помѣщики узнали о такомъ рѣшеніи «ихъ брата дворянина» Одоньева? Думаю, — они еще болѣе убѣдились бы въ томъ, что «онъ вредный примѣръ подаетъ».

XII.

Но Трифонъ Аѳанасьевъ, послѣ разговора своего съ бариномъ, не только пересталъ воровать и прекратилъ всякія сношенія съ ворами, но и какъ будто совсѣмъ переродился.

Страннымъ и неестественнымъ, можетъ быть, найдутъ многіе это внезапное возстаніе глубоко-павшаго человѣка: но это дѣйствительно такъ было. Не возьмусь объяснять такое явленіе: укажу только на одно обстоятельство, которое,—кажется мнѣ, — можетъ навести на лучшее объясненіе. Много разъ случалось мнѣ быть свидѣтелемъ удивительнаго дѣйствія самыхъ немудрыхъ лѣкарствъ на неиспорченную натуру больныхъ простолюдиновъ; много разъ также видалъ я у нихъ быстрые и полные переходы отъ одного чувства къ другому, отъ одной мысли къ другой:

вообще ихъ радости и горе, ихъ смѣхъ и печаль, ихъ добрыя и злыя дѣянія—просты и несложны.

Итакъ, Трифонъ честно сдержалъ данное слово,—милость Божія помогла ему въ этомъ. Но въ тоже время одряхлѣлъ онъ чрезвычайно и, вглядѣвшись въ него по пристальнѣе, нельзя было не замѣтить, что скоро онъ долженъ будетъ предстать предъ послѣдній, праведный судъ.

Теперь, съ семьей своей да съ своей немощью, Трифонъ перебивался кое-какъ изо дня въ день и тяжко маялся: иной разъ не начто было соли купить, иной разъ приходилось хоть кошель надѣть да пойдти по міру; но Трифонъ все сносилъ терпѣливо, ни на что не жаловался, никого не просилъ о помощи. А положеніе его было истинно трудное, тѣмъ болѣе, что народная ненависть стала преслѣдовать его постоянно и жестоко.

Покуда боялись Трифона, ненависть эта не обнаруживалась; но какъ только подмѣтили, что нечего уже бояться его (а это подмѣтили скоро)—она рѣзко выразилась и во всемъ околоткѣ, и въ самомъ Пересвѣтовѣ. Въ Пересвѣтовѣ стали притѣснять и обижать его безпрестанно: всѣхъ чаще и безъ соблюденія очереди угоняли лошаденку Трифона подъ какія нибудь подводы; всѣхъ чаще и его самого наряжали на разныя общественныя работы: дороги поправлять, мосты и гати чинить, луга и лѣсъ караулить. Не смотрѣли на его ста-

рость, дряхлость и скудость; не хотѣли нисколько уважить бѣдственнаго положенія его семьи.

— А что его жалѣть-то?... говорили пересвѣтовцы:—мало ль онъ, старый чортъ, измывался надъ нами!... Пускай теперича самъ узнаетъ. А мы изъ-за него ужь терпѣли — терпѣли!.. да какъ еще боялись-то его, разбойника!...

Въ Пересвѣтовѣ, впрочемъ, хорошо всѣ знали, что Трифонъ больше не воруетъ, но въ сосѣднихъ селеніяхъ, а особенно въ Загорьѣ не знали или не хотѣли знать этого. При всякой покражѣ, шли, по старой привычкѣ, обыскивать къ Трифону, и пересвѣтовцы не только не мѣшали этимъ обыскамъ, но даже поощряли ихъ своими толками.

— Вишь ты, говаривали они,—глянь-ко, малый, до чего дожилъ старый чортъ, Тришка!... нѣту-таки ему вѣры, все къ нему да къ нему съ обысками.... право-слово, старый чортъ!... Славу худую на всю деревню положилъ, хоть бы околѣвалъ поскорѣе!...

— И, малый! проживетъ онъ до свѣта—представленія!... Вѣдь, чай, знаешь: мать прокляла,— земля-то его, нехристя, и не принимаетъ.

— И то, знать, малый!... а глянь, какъ изсохъ-то, инда почернѣлъ весь.... Молиться, кажись, сталъ—да нѣту!... не замолитъ теперича.... гдѣ ужь!... мать прокляла!...

— Знамо, не замолитъ.... Вонъ и отецъ Ермилъ говоритъ.... Вотъ кабы сорокоустъ заказалъ,—обѣдни бы надо почасту служить, да ми-

лостыню роздалъ бы по монастырямъ, да нищей братьи.... ну, такъ оно бы тово.... полегче было бы,—анъ, на это кармана єго не хватаетъ! Вѣдь, какіе у него достатки? воровалъ, воровалъ, старой пёсъ, а что толку вышло?... Что наворуетъ, бывало, все-то пропьетъ!...

— А куда смирёнъ сталъ.

— Эка, смирёнъ!... возражали приходившіе съ обысками, сердитые загорцы, — прикидывается, старой чортъ!... Коли теперича самъ не воруетъ, такъ краденое принимаетъ, аль сбываетъ куда... Знамо, не переспалъ воромъ быть: ужь повадился кувшинъ по воду ходить, на томъ ему и голову сложить.... Поопасливѣе только сталъ, разбойникъ!

А между тѣмъ Трифонъ изо всѣхъ силъ старался поддержать въ себѣ бодрость духа. Онъ видѣлъ себя одинокимъ, покинутымъ всѣми, гонимымъ, заслуженно-гонимымъ. Онъ скорбѣлъ и томился отъ всего этого, а пуще отъ жгучихъ укоровъ совѣсти; но ожесточеніе уже оставило его, но мгла грѣховная уже разсѣялась и духъ его возсталъ. Слова Ивана Данилыча: «молись!.. милость Божья велика!» безпрестанно, живительво звучали въ сердцѣ его, и началъ онъ молиться Богу, къ нему лишь обращая не многія надежды свои. Молитва его была жарка и страстна, но проникнута великой печалью. Однако, мало-помалу сталъ онъ почерпать изъ ней утѣшеніе для больной души: страшный призракъ матери рѣже

становился обокъ его, когда начиналъ онъ молиться. И крѣпка уже была въ немъ мысль о великомъ милосердіи Бога.

Всего чаще молился онъ по ночамъ, одинокъ съ своею совѣстью, предъ страшнымъ окомъ вездѣсущаго Бога.

Позади двора его, въ недальнемъ разстояніи, находился не большой пригорокъ, на которомъ стоялъ старый и полузасохшій вязъ, и откуда видна была бѣлая церковь села Мохова. Почти каждую ночь, какъ только засыпала жизнь въ Пересвѣтовѣ, Трифонъ приходилъ на пригорокъ этотъ, прислонялся спиною къ вязу, устремлялъ взоры на церковь, и молился съ великимъ сокрушеніемъ душевнымъ....

Разъ, крестьянинъ деревни Загорья Иванъ Головачъ, о которомъ мы упоминали уже мелькомъ, проѣзжая ночью, не подалеку отъ Трифонова пригорка, увидалъ Трифона подъ вязомъ. Сначала Головачъ сильно перепугался, но скоро, всмотрѣвшись узналъ старика. Подивился онъ и не зналъ, что подумать; но на другой день пришлось ему объяснить случай этотъ по своему: по утру, глянь, увели у него со двора лучшую упряжную его лошадь. Головачъ какъ-разъ заподозрилъ въ покражѣ Трифона и хотя по обыску, тотчасъ же сдѣланному, ничего не нашли у него, однако Головачъ былъ твердо увѣренъ, что обокралъ его не кто другой, а Трифонъ.

Головачъ былъ человѣкъ рьяный и злобный;

онъ въ ту же ночь рѣшился отомстить Трифону, «хорошенько намять ему бока доброй дубиной.» Какъ только уснули въ Загорьѣ, онъ отправился съ своей увѣсистой дубинкой къ Пересвѣтову и залегъ подъ плетнемъ, на задахъ Трифонова двора.

Вскорѣ онъ увидалъ, что Трифонъ выходитъ изъ заднихъ воротъ своихъ. Съ непокрытой, поникшей головою, тихо прошелъ онъ, мимо самаго Головача, прямо на пригорокъ. Головачъ хотѣлъ было тутъ же кинуться на него, но что-то удержало его.

— Дай, посмотрю, подумалъ онъ,—что Тришка дѣлать будетъ.... Вишь крадется.... словно колдунъ какой!...

Между тѣмъ старикъ, взойдя на пригорокъ, сталъ на колѣни и началъ молиться. Потомъ упалъ онъ ницъ на землю и долго-долго не приподнималъ головы; тяжкіе вздохи и прерывистыя рыданія слышны были Головачу.

Изумился онъ чрезвычайно всему этому и хоть не прошла злоба его на Трифона, однако, онъ не рѣшился уже теперь напасть на беззащитнаго, молящагося старика.

— Вишь, Тришка проклятый! сказалъ онъ самому себѣ,—ну, счастливъ твой Богъ!... Гдѣ грѣхи-то вздумалъ замаливать!... чудно, право.... А въ церковь, чай, рѣдко ходитъ....

—

Проходили дни, недѣли, мѣсяцы—и опять весна настала, весна теплая, красная, благодатная для деревъ и растеній, озарившая кр҇ткимъ свѣтомъ надеждъ темныя лица поселянъ, — весна, опять благопріятная для роенія пчелъ.

Однажды, выдался весь денёкъ пасмурный и дождливый. Подъ вечеръ, эдакъ уже въ сумерки, вдругъ взошелъ на дворъ Трифоновъ старый знакомый нашъ Михѣй Савостьяновъ.

У полурастворенныхъ заднихъ воротъ Трифонъ починивалъ борону.

— Богъ въ помочь, сосѣдъ! сказалъ ему привѣтливо Михѣй.

Трифонъ, съ изумленіемъ, почти съ испугомъ посмотрѣлъ на добраго старика.

— Спасибо.... отвѣчалъ онъ глухимъ голосомъ и ни слова больше не могъ произнести.

— А что, родимый?... сказалъ какъ-то особенно весело Михѣй Савостьяновичъ:—я вѣдь за дѣльцомъ пришелъ теперича къ тебѣ: ты вотъ пчелкой не хочешь ли опять позаняться?... Ну, право слово, оно бы тово.... Мнѣ-то Господь послалъ, у меня вдоволь, пожалуй, съ радостью помочь могу.

Трифонъ ничего не отвѣчалъ. Крупныя слезы потекли изъ глазъ его.

Михѣй тотчасъ же замѣтилъ волненіе сосѣда.

— Что ты! что ты?... Господь съ тобою!... говорилъ добрый старикъ. — Ты бы, родимый,

перекрестился. Ну, объ чемъ такъ-то плачешь, сокрушаешься?...

— Объ окаянствѣ своемъ.... отвѣчалъ Трифонъ печально. — Нѣту, Михѣй Савостьяничъ! не для чего теперича дѣло это затѣвать!... Знаешь ты мою семью?... Господь на меня прогнѣвался!... Знаешь—каковъ человѣкъ я былъ недавно?...Охъ! грѣшникъ окаянный!.., А мать-то... вѣдь она...

И старикъ не могъ договорить.

— Господи помилуй! молвилъ Михѣй и перекрестился.—А зачѣмъ ты тоску на себя напускаешь?... Ну, какъ на Бога не надѣяться?... Милость Его велика!... Молися о грѣхахъ со слезами, а не унывай.... Господи тебя помилуй!... что ты, право?... Ты вотъ теперича потрудись честно, зависти не имѣй, потрудись, душу сберегаючи....Трифонъ! вѣдь Богъ-то любитъ честный трудъ!

— Не могу, Михѣй Савостьяничъ! видитъ Богъ, не могу!... Мнѣ и жить-то здѣсь нельзя,—развѣ не знаешь?... что людей еще на грѣхъ наводить?... Всѣ-то клянутъ меня.... гонятъ, ненавидятъ....

— Что жь дѣлать-то?... Богу молися!... Дай срокъ, и они увидятъ, что надо по-Божьи дѣлать!...

Но всѣ возраженія и утѣшенія Михѣя Савостьянова были тщетны: Трифонъ на отрѣзъ отказался отъ его благодушнаго предложенія, и въ концѣ разговора высказалъ свою потаенную мысль.

— Вотъ что я задумалъ, Михѣй Савостьянычъ: сказываютъ, баринъ пріѣдетъ сюда вкругъ Троицына дня.... думаю попросить его,—колибъ перевелъ онъ меня въ Делюхино!... Далеко отселева.... тамъ не знаютъ.... не буду тамъ и добрыхъ людей на грѣхъ наводить.... На-послѣдяхъ-то авось мнѣ полегче будетъ....

—

Къ Троицыну дню баринъ, точно, пріѣхалъ въ сельцо Пересвѣтово. Онъ былъ сильно не въ духѣ на ту пору: пересвѣтовцы опять неисправно заплатили оброкъ, да къ тому же приходилось лѣнивому Ивану Данилычу позаняться, въ теченіе нѣсколькихъ дней, полюбовнымъ размежеваніемъ съ сосѣдними помѣщиками. Неудачно выбралъ время Трифонъ Аѳанасьевъ для разговора своего съ бариномъ.

— Что ты?... зачѣмъ еще?... спросилъ сурово Одоньевъ, увидавъ старика.

— Къ вашей милости, батюшка....

— Говори ты мнѣ скорѣе.... некогда тутъ возиться со всякими вашими глупостями!

— Батюшка, сказалъ Трифонъ дрожащимъ голосомъ:—сдѣлайте божескую милость.... переведите меня въ Делюхино....

— Это зачѣмъ?

— Да не въ могуту, батюшка, стало.... не въ могуту стало проживать здѣсь....

— Что за вздоръ!... это пустяки!... Объясни

по крайней мѣрѣ, толкомъ; отчего нельзя жить тебѣ здѣсь?

— Все обыскиваютъ.... понапрасну теперича... А видитъ Богъ....

И старикъ горько, горько заплакалъ. Жаль стало его Одоньеву.

— Взялъ бы я тебя во дворъ, сказалъ онъ, нѣсколько подумавъ:—но у тебя семья такая, ну, да и дворня-то у меня.... Нѣтъ, эдакъ не приходится...

— Куда хотите, батюшка, дѣвайте, а отселева-то.... сдѣлайте божескую милость!... увольте, батюшка....

— Но чтожь ты будешь дѣлать въ Делюхинѣ? спросилъ Иванъ Данилычъ.

— Кормить буду семью, батюшка.

— Ну, хорошо, хорошо,—такъ и быть! Однако, вѣрнаго обѣщанія не даю, а подумаю.... Подожди,—вотъ увидимъ....

И баринъ нашъ, по обыкновенію своему, не рѣшилъ дѣла окончательно. Зато судьба скоро порѣшила участь Трифона.

XIII.

На Ильинъ-день бываетъ храмовой праздникъ въ селѣ Лимавѣ, въ приходѣ котораго состоитъ и деревня Загорье. Лимавскіе и, особенно, загорскіе крестьяне очень зажиточны и любятъ широко попировать, когда «праздникъ на ихъ улицу заходитъ.» Обыкновенно, празднованье это продолжается три дня: въ первый и второй дни собственно празднуютъ, а въ третій провожаютъ праздникъ, опохмѣляясь и добромъ его поминаючи.

Наканунѣ Ильина-дня зашелъ къ Трифону отецъ его невѣстки Анны, Алексѣй, крестьянинъ изъ села Лимавы, человѣкъ небогатый, но радушный и добрый.

— Сватъ Трифонъ, сказалъ Алексѣй:—о праздникѣ къ намъ милости просимъ. Ты и Аннушку

со внучками отпусти, хоша на завтрешній денёкъ, —истопитъ дома печку, да и къ намъ, а къ ночи вернется....

— Пожалуй, сватъ Алексѣй, невѣстку отпущу, отвѣчалъ Трифонъ.

— Да ты самъ-то безпремѣнно приходи.

— Нѣту, сватъ Алексѣй!... гдѣ мнѣ по праздникамъ таскаться?... Не могу.... Спасибо....

Какъ ни просилъ Алексѣй, но Трифонъ на отрѣзъ отказался и только обѣщалъ придти вечеромъ, чтобы проводить домой невѣстку.

— Ты, сватъ, не забудь же, приди, говорилъ Алексѣй, прощаясь съ Трифономъ:—вѣдь у меня некому будетъ проводить домой Аннушку; а пойдетъ она одна, такъ, пожалуй, загорскіе парни, съ хмѣлю-то, изобидятъ.... Вѣдь самъ ты знаешь—озорный они народъ!...

Во всю ночь подъ Ильинъ-день не спалъ Трифонъ; онъ пробылъ долго, долго на пригоркѣ своемъ и жарко молился. Въ эту ночь душа его была исполнена смертной печалью; ныла и билась она подъ какимъ-то грознымъ предчувствіемъ.

На самый праздникъ онъ былъ у заутрени и у обѣдни въ селѣ Моховѣ. Съ появленіемъ свѣта дневнаго, тоска его разсѣялась и стало легко у него на душѣ, какъ давно уже не бывало. Послѣ обѣдни, зашелъ онъ на кладбище и безпечально помолился: даже на могилѣ матери не

гнела его прежняя душевная скорбь. Затѣмъ и во весь день онъ былъ спокоенъ.

Передъ вечеромъ, зашелъ онъ къ Михѣю Савостьянову на пчельникъ и пробылъ тамъ съ часокъ. Старый пчелинецъ обрадовался, увидавъ, что Трифонъ спокоенъ духомъ. Трифонъ разсказалъ ему свои предположенія о переходѣ въ Делюхино и о житьѣ тамъ; Михѣй вполнѣ одобрилъ ихъ. Старики наговорились до-сыта и по душѣ. Но передъ уходомъ, Трифонъ задумался и тоскливо опустилъ голову.

— Что ты, словно, опять закручинился? спросилъ Михѣй.

— А такъ.... отвѣчалъ тихо Трифонъ: — прощай Михѣй Савостьянычъ.... Въ дверяхъ пчельника онъ остановился на мгновеніе и промолвилъ:

— Ужь такая тоска!... Михѣй Савостьянычъ!... коли что со мной подѣется.... помолись ты о грѣшной душѣ моей....

— Да полно ты, полно!... Господь съ тобою!... ну, что ты это?,..

— Трудно оченно на душѣ стало.... прошепталъ Трифонъ.

—

Трифонъ прямо отправился въ Лимаву.

Путь его шолъ на Загорье. Опасаясь, чтобы пьяные мужики не привязались къ нему да не побили бы, онъ пошелъ не по деревнѣ а по задворь-

ямъ. Деревня эта вытянута въ одну длинную линію—и онъ миновалъ все пространство задворьевъ благополучно, не встрѣтивъ ни одного человѣка.

Но на концѣ деревни встрѣлась ему небольшая толпа самыхъ удалыхъ, отчаянныхъ гулякъ: тутъ были молодые парни, сильно-пьяные, да нѣсколько бабъ молодыхъ, большею частію солдатокъ, видимо тоже подгулявшихъ. Надо замѣтить, что Загорье—селеніе большое и зажиточное по отходной и фабричной промышленности своихъ жителей, и что жители эти, какъ мужчины, такъ и женщины, не отличаются нравственностью.

Толпа гулякъ, встрѣтившихся Трифону, была шумна и весела. Она шла медленно, съ громкими пѣснями, а передъ нею бойко отплясывалъ, съ визгомъ и гикомъ, Иванъ Головачъ.—Но, завидѣвъ Трифона, онъ вдругъ пересталъ плясать и закричалъ ему:

— Эй ты, старый чортъ, воръ-Тришка!... опять по-задамъ шатаешься!... высматриваешь!... Я тебя, старый чортъ!... ужь доканаю!...

Но въ толпѣ послышались голоса, понуждавшіе Головача приняться за пляску, и онъ снова пустился выдѣлывать ногами разныя штуки; а Трифонъ прошелъ дальше, сторонкой.

У свата-Алексѣя праздникъ оказался не въ праздникъ. Жена его вдругъ разнемоглась—и Трифонъ, оставивъ Анну при больной матери, отправился одинъ домой.

Поздно ужь было, когда онъ подошелъ опять

къ Загорью. Въ раздумьи онъ остановился у околицы. «Гдѣ тутъ пройдти?—думалъ онъ—черезъ деревню, аль опять по-задворьямъ?» Слышалъ онъ, что народъ шибко гуляетъ на улицѣ; съ разныхъ мѣстъ неслись буйно-веселые крики и звонко-голосное пѣнье.... И съ страшнымъ замираніемъ сердца, онъ рѣшился идти по задворьямъ.

Ночь была не свѣтлая; мутная мгла осталась отъ дневнаго зноя и потопляла всю окрестность; сквозь нее тускло, кой-гдѣ мерцали звѣзды; съ лѣвой стороны, надъ краемъ горизонта, вставалъ мѣсяцъ огромнымъ, темно-багровымъ шаромъ.

Трифонъ прошелъ уже половину дороги. На самой этой половинѣ, дорога дѣлала изгибъ — и поворотивъ за него, старикъ очутился лицомъ къ лицу съ Головачемъ да съ другимъ какимъ-то парнемъ, тщедушнымъ и рыжеватенькимъ.

— Ахъ ты!... все неуймаешься!... молвилъ, стиснувъ зубы Головачъ:—поджидалъ я тебя.... теперича не минуешь!...

И онъ со всего размаху ударилъ Трифона толстымъ коломъ по головѣ. Старикъ успѣлъ только приподнять немного руку, чтобы перекреститься и упалъ на землю.

— Никакъ, тово.... съ-разу.... сказалъ рыжеватенькій парень, невольно содрогнувшись.

— Нѣтъ еще!—отвѣчалъ злобно Головачъ: — а вотъ теперича.... доканать надо!...

И Головачь нанесъ бездыханному старику еще

два страшныхъ удара по головѣ, но они были напрасны. Трифонъ первымъ ударомъ былъ уже убитъ....

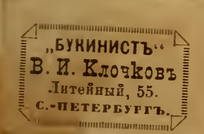
—

Началось слѣдствіе—и было открыто только, что черепъ Трифона разбитъ на тридцать семь кусковъ. Слѣдствіе это шло долго; временное отдѣленіе земскаго суда производило его со всѣмъ, возможнымъ для него, усердіемъ, — но все было напрасно: кровь Трифона осталась не взысканною съ головы убійцы отъ суда людскаго.

Какъ-то тяжело изумились пересвѣтовцы, свѣдавъ про злополучную долю Трифона. Память о немъ еще до сихъ поръ жива въ Пересвѣтовѣ; о невинной смерти его часто толкуютъ крестьяне, и имя убійцы поминаютъ съ проклятіемъ за то, что не пощадилъ старика....

Семью Трифона призрѣлъ и устроилъ Иванъ Данилычъ. Баринъ сдѣлалъ свое дѣло — и, конечно, никто и ни въ чемъ не осудитъ его за Трифона....

4 ноября, 1858 года.


„БУКИНИСТЪ"
В. И. Клочковъ
Литейный, 55.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.